ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА — 14 ДЕКАБРЯ 1930 г. № 59 (96)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25. Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ПРОТИВ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЗМА!

За последнее время в печати опубликовано сообщение о раскрытии органами ОГПУ контрреволюционной национал-демократической группы в Белоруссии и о связи этой организации с некоторыми белорусскими литературными группировками. Факт участия буржуазных писательских групп в контрреволюционной деятельности не является единичным. Процесс СВУ, деятельность контрреволюционеров в Узбекистане, опиравшихся на узбекских писателей, входивших в группу «Кзыл-Калям», ряд других аналогичных фактов, — все это лишний раз свидетельствует о резком обострении классовой борьбы на литературном фронте и о прямой связи литературных агентов буржуазии с политической деятельностью последней.

Не случайно то, что почти во всех случаях участниками контрреволюционных организаций являлись писатели, выступавшие в роли проповедников непричастности искусства к классовой борьбе, — апологеты политической нейтральности художественной литературы. Эти теории и эти лозунги были для таких писателей только средством маскировки, только способом притупить классовую бдительность пролетариата к литературному участку классовой борьбы. События, происшедшие в Белоруссии, по масштабу охвата контрреволюционной организацией писательских кругов превосходят то, что нам было до сих пор известно. Со стороны всей советской писательской общественности литературный фронт Белоруссии требует к себе сейчас усиленного внимания.

Было бы грубой ошибкой утверждать, что вся попутническая литература Белоруссии оказалась в плену контрреволюционной национал-демократической идеологии. Но нет сомнения в том, что влияние последней в той или иной степени оказывало сильное воздействие и на подлинно-попутнические элементы и даже (главным образом, в прошлом) на известные группы пролетарских писателей. При всем обострении за последние годы классовой борьбы в литературе Белоруссии действительная консолидация сил советских писателей, действительное отмежевание попутчиков от буржуазных писателей начинается в Белоруссии лишь сейчас. Белорусское попутничество, — не только в литературе, но и во всех областях культуры, — находится сейчас перед серьезным историческим испытанием, — оно стоит перед необходимостью коренного идеологического перевооружения, а частично и разоружения. Оно переживает сейчас острый творчески-идеологический кризис, — и это есть кризис преодоления влияния национал-демократизма, — это есть кризис рождения литературных союзников пролетариата в реконструктивный период.

В таких условиях во много раз возрастает роль пролетарской литературы Белоруссии. Из всех писательских организаций только белорусская АПП за последние годы вела упорную и непримиримую борьбу со всеми проявлениями классово-враждебных пролетариату тенденций в литературе, — в частности и в особенности с национал-демократизмом. Когда около трех лет назад белорусские пролетарские писатели вступили во всесоюзное об'единение пролетарских писателей, против них была открыта кампания травли, как против предателей и изменников белорусского «отечества». Агенты классового врага стремились всячески изолировать белорусскую литературу от литературной общественности других народов СССР. Понятно поэтому, какое огромное значение приобретает неделя белорусской культуры — писатели, артисты, кинорабботники, художники, — организовано встретятся с рабочими массами, с культурными работниками и, в частности, с писателями Москвы.

Мы должны констатировать, что подготовка белорусской недели пока не ведется с необходимыми темпами. Ведь эта неделя оправдает свое назначение только в том случае, если ей будет предшествовать глубокая подготовительная работа по ознакомлению рабочих масс с культурой Белоруссии, с ее задачами и с классовой борьбой, происходящей в ней, если дело не ограничится только торжественными встречами.

Нужно также широко учесть опыт украинской недели, проводившейся в начале 1929 г. Нужно попутно проследить за тем, как успешно были реализованы итоги этой недели, как проведены в жизнь решения многочисленных совещаний, происходивших в течение недели.

В период развернутого социалистического наступления, сопровождающегося обострением классовой борьбы, литература советской страны должна укреплять свои интернациональные связи под лозунгами боевой классовой солидарности пролетариата, жестоко ударяя по всем и всяческим проявлениям великодержавничества и местного национализма, которые использовываются классовыми врагами пролетариата для попыток отпора победоносному социализму, уничтожающему до конца рамки национальной ограниченности.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В связи с предстоящей в Москве в начале января неделей белорусской культуры Институт литературы, искусства и языка Комакадемии организовал 10 декабря вечер докладов, посвященных вопросам классовой борьбы в современной белорусской литературе.

В основном докладе — члена правления БелАПП т. **Сенкевича** — был дан исторический обзор белорусской литературы, развивавшейся в течение последних лет в обстановке ожесточенной борьбы двух основных направлений белорусской культуры: пролетарского, руководимого коммунистической партией и передовыми пролетариями,— и национал-демократического, связанного с национал-фашизмом Западной Белоруссии и вдохновляемого внутренней эмиграцией.

Выступивший с содокладом т. **Конокотин** (Культпроп ЦК КП(б) Белоруссии) подчеркнул особое обострение классовой борьбы в белорусской литературе в связи с развертыванием социалистического наступления по всему фронту. ОГПУ вскрыло даже тесную организационную связь некоторых руководителей литературной группы «Узвышша» с бывшими министрами белорусской рады.

Националдемократические тенденции проявились в целом ряде художественных произведений крупнейших белорусских писателей.

В контрреволюционном стихотворении «Посекли наш край» поэт **Дударь** обвиняет большевиков в том, что, создав советскую Белоруссию, они разделили единый край на две половины.

Писатель **М. Зарецкий** — по аналогии с Хвилевым на Украине — проповедуя теорию национальной самобытности и ратуя за ориентацию на культурный Запад в противовес дикой Москве, написал роман «Кривичи», где в героических тонах изображен кулацкий вождь, стоящий во главе националдемократического восстания против советской власти. Само собой разумеется, что наши контрольные органы своевременно избавили читательскую массу от этого замечательного романа, трактующего белоруссизацию как хитрую политику большевиков, которые «хотят говорить на белорусском языке, чтобы легче было обманывать население».

Поэма **Пушчи** «Листы да собаки», отдельные вещи **Дубовки** также являются проявлениями национадемократизма. Не свободны от него и известные белорусские писатели, принадлежащие к старшему поколению: **Якуб Колас и Янка Купала.** Творчество Я. Коласа не отражает советской действительности. Только в нескольких мелких произведениях да в повести «Просторы», где показана коллективная осушка болота в советской деревне, Колас делает попытки к этой действительности приблизиться.

Янка Купала, юбилей которого еще недавно был отпразднован и в Белоруссии и в этих же стенах Комакадемии, — допустил провокационный поступок, который заставляет вспомнить о реакционном литературном прошлом Купалы.

В свое время при взятии Минска белополяками он написал в газете «Звон» стихотворение в честь прибытия Пилсудского в Минск.

Демьян Бедный работал тогда на нашем Западном фронте. На оду Купалы Пилсудскому он откликнулся недвусмысленными строчками:

Изменил поэт народу,
Заплясал панам в угоду,
Янки посвист соловьиный
Обратился в шип змеиный...
Да, в змеиный... Да, в змеиный...

Сейчас, в 1930 г., Я. Купала позволил себе включить в свой юбилейный сборник то стихотворение, которым он в 1919 году славословил приход Пилсудского, — лишь незначительно сократив его.

Из числа писателей старшего поколения заметно меняет вехи **З. Бядуля.** Еще больше приближается к нам **Ц. Гартный.**

Борьбу с реакционными влияниями в условиях белорусской литературы очень затрудняет слабость — почти отсутствие — марксистской критики. Кафедры литературы и в Белорусском государственном университете и в Белорусской Академии Наук до сих пор находятся в руках идеалистов, формалистов, эклектиков. Идеологической физиономии преподавателей соответствуют и замшелые учебные пособия, где половина курса отведена средневековым монахам.

Белорусская АПП, о работе которой рассказал второй содокладчик, т. Головач, ведет энергичную, упорную борьбу с националдемократическими тенденциями и проявлениями национал-оппортунизма. С каждым годом крепнут ее ряды, и, вопреки всем предсказаниям право-«левых» троцкистов, белорусская пролетарская литература обогащается все новыми и новыми именами талантливых пролетарских писателей и поэтов. Творчество многих из них — **Александровича, Лимановского, Лынькова, Чарота,** покойного **Труса,** — уже сейчас стоит на более высоком уровне, чем ряд произведений попутчиков.

Мощный рост литературного движения, и в частности его пролетарского крыла, наблюдаемый в течение последних лет в БССР, ставит в порядок дня и создание всебелорусского об'единения крестьянских писателей и организацию федерации об'единений советских писателей Белоруссии.

Создание этих новых центров белорусской писательской общественности несомненно окажет значительную помощь и в деле перевоспитания белорусских попутчиков.

Д. К.

Отчетная кампания советов НАЧАЛАСЬ

ПИСАТЕЛЬ — НА БОЕВУЮ КАМПАНИЮ

Нет сомнения, что в эту отчетно-перевыборную кампанию правые уклонисты постараются еще раз своей демагогией и карканьем парализовать активность рабочего класса в дальнейшем развертывании советского строительства.

Поэтому особенно важно **качественно** провести эту кампанию таким образом, чтобы возможно шире развернуть активность и вовлечь в непосредственное участие в ней самые широкие круги колхозных и бедняцко-середняцких масс, организуя эту активность против капиталистических элементов в деревне и их пособников — правых и «левых» уклонистов.

Большую помощь в этом должна оказать и наша писательская общественность. Надо отказаться от тех неудачных случайных «наскоков» на колхоз, деревню, которые имели место в прошлом.

Крестьянин, в особенности колхозный актив, вполне естественно, сейчас не может удовлетвориться общим поверхностным докладом, лекцией и т. п.

Сейчас, как никогда, нужно углубленное систематическое участие городских сил в культурной революции на селе. Вот почему важно найти для писателя конкретные формы работы, которые могли бы эту **практическую помощь обеспечить на деле.**

Целый ряд заводов выдвинул хорошую идею — шефство рабочих предприятий над отдельными писателями

Лучшим ответом писателя было бы — выдвинуть «встречный план», **шефство отдельных писателей и драматургов над определенными культурными учреждениями села** (клуб, стенгазета, изба-читальня, библиотека, рабкоровские, литературные и иные кружки и проч.).

Это шефство должно охватить всю организованную советскую писательскую общественность.

Организационные формы этого шефства полностью предрешать сейчас еще рано. Нам кажется, что было бы целесообразным, как правило, развивать групповые шефства отдельными писательскими бригадами при максимальной самостоятельности отдельных лиц, а индивидуальные шефства допускать в каждом отдельном случае. Это шефство должно быть обусловлено специальными договорами соцсоревнования, на более или менее продолжительный срок, и подкреплено выездами писателей в подшефные единицы.

Это принесло бы огромную пользу в культурной и общественной жизни села, и в особенности в начавшейся кампании перевыборов в советы.

Только на основе действенного непосредственного участия в общественной жизни деревни писатель сможет отразить в художественной литературе этапы советского строительства классовой борьбы и вопросы социалистического переустройства деревни.

Такое участие дало бы писателю исключительные возможности в смысле пополнения и освежения его литературной тематики и изобразительных возможностей.

Само собой разумеется, это положение не снимает работ литературных об'единений по организации ударных писательских бригад на важнейшие сельскохозяйственные кампании, которые направлял и должен теперь организовывать ФОСП совместно с литорганизациями.

Очень важно участие писателя в изданиях специальных художественных сборников и, в частности, в выпускаемом к перевыборам альманахе.

Однако, формы этой работы, практиковавшийся до сих пор, в большой мере себя изжили. Эту отрасль работы необходимо увязать с систематическим постоянным участием писателя в работе на селе, в частности, в упомянутой форме шефства и в других новых формах, которые заинтересовали бы писателя в этой работе.

Не указывая на целый ряд других практичиских мероприятий, в частности, касающихся вопросов работы по перевыборам советов, которые необходимо провести литоргнизациями, надо особо подчеркнуть, что участие писателей во всех кампаниях, и в частности, в данной, должно быть построено так, чтобы оно в основном обязательно совпадало с творческими замыслами каждого писателя в отдельности.

Для этого писатель в каждом случае привлечения его к активно-общественной работе должен быть поставлен сразу на свое место, как художник, без излишнего дергания и нервирования его посылками в места, часто не представляющие никакой ценности и интереса для него, как писателя.

Нет сомнения, что это предложение найдет самый широкий отклик и поддержку со стороны писательской общественности. Недавно организованный штаб ударной работы ФОСП должен немедленно заняться детальной проработкой этого вопроса с тем, чтобы пользуясь этими новыми методами, с возможно большей эффективностью провести в этом году участие пролетарской и писательской общественности в основных кампаниях на селе и в особенности в кампаниях перевыборов в советы.

Н. ГИЛЬЯРДИ

НАШИ ДЕПУТАТЫ ОТЧИТЫВАЮТСЯ

Отчетно-перевыборная кампания советов началась в клубе писателей собранием актива, 9 декабря. Писатели заслушали отчетные доклады своих депутатов в Моссовете тт. **Н. Огнева и И. Сельвинского.** Писатели-депутаты широко осветили работу Моссовета на фронте социалистического строительства Московской области за 1929—30 г.

— Эта работа Моссовета шла под знаком развернутого социалистического наступления, — говорит т. **Огнев,** иллюстрируя свой отчет богатым цифровым материалом о росте промышленности, колхозов и совхозов Московской области. Но на ряду с большими успехами имелись и прорывы на отдельных участках хозяйственного фронта. Например, по каменноугольной промышленности области мы за этот год недополучили около 200 тысяч тонн. По МСНХ один из отстающих трестов — Мосполиграф. Преодолению этих прорывов помогла ликвидация округов, организация районов, развертывание соцсоревнования и ударничества на предприятиях.

В заключение своего доклада т. Огнев сообщил, что сделано писателями-депутатами в деле осуществления специального наказа писателей-избирателей по улучшению жилищно-бытовых условий писательства. В результате ходатайства ФОСП, переданного через писательскую делегацию в Совнарком РСФСР, была создана правительственная комиссия, которая разработала и разрешила ряд вопросов труда, быта и материально-правового положения писателей.

— Мы добились увеличения средств Литфонда РСФСР, ассигнуемых на пособия и ссуды писателям. По линии жилищного строительства через Промбанк ассигнованы средства на постройку в 1931 г. первого дома-коммуны писателей. По соглашению ФОСП и ОГИЗ вводятся особые расчетные листы для писателей, куда будет вносится их заработок.

Обострение международного положения, нарастание непосредственной военной опасности, раскрытие вредительских организаций — поставили перед Моссоветом вопрос об усилении внимания к работе среди военных частей Московского округа, — сказал другой депутат т. **Илья Сельвинский.**

Тов. **Сельвинский** осветил работу военной секции Моссовета. Секция значительно расширила политпросветработу и культобслуживание частей РККА, развернула деятельность Осоавиахима на предприятиях, в домах и учреждениях, организовала ряд бригад.

— Я был бригадиром по обследованию шефской работы предприятий над частями РККА — докладывает т. Сельвинский. Здесь мы выявили ряд недостатков в шефработе, которая велась неорганизованно, бесплановo, только в «праздничные» дни. Кроме того, мне в качестве бригадира пришлось участвовать в обследовании Собеса, МОВСУ, работать по линии военной прокуратуры, быть уполномоченным по сбору литературы.

Военная работа в литорганизациях Дома Герцена проводится очень слабо, наше обращение к литорганизациям и писателям с призывом развернуть военную пропаганду и организовать военный кружок для писателей, окончилось неудачей. Писательские организации еще слабо осуществляют шефство над частями Красной армии, ЛОКАФ еще недостаточно обслуживает РККА. Необходимо широко развернуть военную работу среди широких масс писателей.

По признанию самих депутатов-писателей, они не считают совершенной свою работу и полностью ею не удовлетворены.

Выступая в прениях по отчетным докладам своих депутатов, писатели отмечали слабое внимание нашей литературной общественности к работе на фронте советского строительства:

— Наша писательская масса недостаточно активно участвует в работе советов и их секций.

— Мы избрали своих депутатов в советы и на этом успокоились.

— В секциях советов участвует ничтожный процент писателей.

***

Собрание постановило в ближайшее время заслушать отчетные доклады писателей-депутатов в райсоветах и писателей-секционеров, а также специальный отчетный доклад члена президиума Моссовета.

А. К.

ВЫКОРЧЕВАТЬ КОРНИ ТАТУЛОВЩИНЫ

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ КОНСОЛИДАЦИЮ СИЛ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БЮРО ЦК КП(б) ГРУЗИИ*

Двурушнический блок Сырцова—Ломинадзе в своей борьбе против партии пытался использовать литературный фронт, разлагая организацию пролетарских писателей и, в частности, используя для этого отдельные антипартийные элементы в группировке, существовавшей под названием «Литературный фронт». Наиболее ярким выражением этих попыток является деятельность Ломинадзе по руководству пролетарскими литературными организациями в Закавказье. Неустойчивая часть из руководства АПП Закавказья (Татулов и др.) превратилась в литературную агентуру Ломинадзе, беспрекословно выполнявшую все его директивы, проводившиеся в ряде случаев на комфракциях АПП в порядке партийных директив. При непосредственном участии Ломинадзе, Ахундова и др. на этих фракциях и партсовещаниях принимались резолюции явно «левацкого» типа, направленные под прикрытием творческой дискуссии против литературно-политической линии ВОАПП, в основном правильной и наиболее соответствующей линии партии, и в защиту линии «Литературного фронта» (резолюция секретариата ЗАПП от 11 августа и т. д.).

Деятельность Ломинадзе, направленная на превращение ГрузАПП в одну из опорных баз двурушнического блока на культурном фронте, встретила решительный отпор со стороны большинства ГрузАПП. Резолюция президиума ГрузАПП от 2 сентября, в основном правильная, своевременно сигнализировала об искажениях партийной линии в Закавказье на участке литературной политики. Благодаря усилиям большинства ГрузАПП организация пролетарских писателей не оказалась в полной мере орудием в руках блока Сырцова—Ломинадзе, и литературной агентуре Ломинадзе — татуловщине был дан отпор.

Пособничество в двурушнической работе Ломинадзе со стороны бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Грузии т. Гогоберидзе нашло свое яркое выражение и на литературном фронте. При непосредственном участии и под давлением Гогоберидзе фракция ГрузАПП незначительным большинством отклонила резолюцию президиума ГрузАПП от 2 сентября. Явно правые установки тов. Гогоберидзе в области культурной политики совпали с «левацкими» загибами Ломинадзе в данной области. Исходя из этих правых установок, Гогоберидзе выполнил задания Ломинадзе, сняв — без ведома бюро ЦК КП(б) Грузии — наносовское руководство ГрузАПП во главе с т. Буачидзе, противодействовавшее Ломинадзе в его антипартийной деятельности по разложению пролетарской литературы.

Бюро ЦК КП(б) Грузии отмечает политическую ошибочность позиции отдельных членов партии, активно участвовавших в происходившей в ГрузАПП литературно-политической борьбе (Вольский, Эули и др.). Бюро ЦК просит Закрайком КП(б) особо расследовать деятельность Татулова, наиболее активного проводника антипартийной линии Ломинадзе в области литературы.

Бюро ЦК ставит перед фракцией правления ГрузАПП задачу дальнейшей решительной борьбы со всеми остатками влияния право-«левого» блока Сырцова Ломинадзе в Ассоциации и разоблачения конкретных носителей этого влияния, а также носителей всяких правых и «левых» оппортунистических уклонов от линии партии в области художественной литературы.

Развертывая большевистскую самокритику, фракция ГрузАПП должна продолжать дело консолидации сил пролетарской литературы на основе генеральной линии партии, ведя непримиримую борьбу на два фронта—с правой опасностью как главной на данном этапе, с «левым» уклоном и с примиренчеством к ним.

ТАТУЛОВ ИСКЛЮЧЕН ИЗ ГРУЗИНСКОЙ АПП

5 декабря состоялся пленум правления Грузинской АПП. В единогласно принятой резолюции пленум отмечает, что большинство ГрузАПП, в борьбе против литературной группы **Ломинадзе и Татулова,** заняло правильные литературно-политические позиции, совпадающие с позициями всего ВОАПП. Пленум подверг решительной критике ошибочные установки ряда товарищей из ГрузАПП (т.т. **Вольский, Эули** и др.), сводившиеся либо к прямой поддержке татуловщины, либо к примиренчеству к ней.

Татулов единогласно исключен из состава ГрузАПП.

Первым секретарем **ГрузАПП избран т. Б. Буачидзе.**

Фракция правления Армянской АПП единогласно присоединилась к резолюции фракции секретариата ВОАПП в Харькове и, охарактеризовав свои ошибки как примиренчество к татуловщине, заявила о полной поддержке и проведении линии ВОАПП, в частности и по вопросу о положении в ЗакАПП.

***

Закрайком ВЛКСМ принял резолюцию о литературно-политических ошибках органа крайкома «Молодой рабочий», которые заключались в поддержке линии Ломинадзе на литературном фронте.

***

Фракция Азербайджанской АПП с небольшими поправками единогласно присоединилась к постановлению секретариата ЗакАПП от 6 декабря с. г. и подвергла решительной самокритике свои ошибки, заключавшиеся в безоговорочной поддержке татуловщины.

НОВОЕ РУКОВОДСТВО ЗАКАВКАЗСКОЙ АПП

Расширенный секретариат ЗакАПП 6 декабря присоединился к публикуемой сегодня в «Литературной газете» резолюции бюро ЦК КП(б) Грузии и к постановлению фракции секретариата ВОАПП в Харькове о положении в Закавказье. Расширенный секретариат ЗакАПП в большой резолюции дал характеристику борьбе, которая происходила в ассоциации и сводилась к попыткам Ломинадзе превратить ЗакАПП в одну из своих опорных баз на культурном фронте.

В новый состав секретариата ЗакАПП вошли: т.т. **Буачидзе, Радиани, Апиханов, Звонарев и Апазан.** Первым секретарем избран т. **Б. Буачидзе,** вторым— **т. Апиханов** (Азербайджан).

* От 30 ноября 1930 г.

ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

ГУМАНИЗМ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАШИЗМ

На страницах американского радикального журнала «Нью-Рипаблик» разгорелась ожесточенная полемика вокруг статьи Майкла Голда о писателе-гуманисте Уайльдере. Эта полемика интересна как столкновение двух мировоззрений: гуманизма и марксизма. Буржуазный нео-гуманизм и марксизм—два полюса современной американской мысли. Индивидуальное начало противопоставляется коллективному, самоусовершенствование—социальным преобразованиям. Полное раскрытие личности—основная цель гуманистической философии. Считая, что наука бессильна раскрыть все творческие способности индивида, гуманисты обращаются к подсознательному и религии. В политически острой статье Голда, вскрывающей реакционную сущность гуманизма, гуманисты усмотрели проникновение «большевистской заразы», и этим об'ясняется та дикая травля, которой подвергся Голд в американской печати. Избавление от «красной опасности» гуманисты находят в англо-католицизме. По словам идеолога гуманизма Ирвинга Бэббита «теперь можно выбирать только между большевиком и иезуитом. Но католицизм не опрокидывает подобно большевизму всех основ цивилизации».

Вывод ясен. **Муссолини—наиболее желательная фигура политического деятеля для гуманистов. Так знамя гуманизма становится знаменем фашизма.**

Торнтон Уайльдер является одним из столпов современной литературы нео-гуманизма. Вскрывая социальные корни творчества Уайльдера, Голд относит его к группе писателей, выражающих психо-идеологию послевоенного американского рантье. «Роскошные отели, гольф, никчемные рассуждения»—вот лицо этого класса. Пресыщение ведет к разочарованию, к бегству от современности в прошлое. От всего творчества Уайльдера веет искусственностью, это—паноптикум, а не живая жизнь. Вместе с тем Уайльдер претендует на роль апостола англо-капитализма, на роль духовного лидера современности. Но Америки сегодняшнего дня у него нет. Творческий метод Уайльдера построен на непосредственности художественного впечатления, «высшей» интуиции подсознательных импульсов.

Надклассовый об'ективизм русских гуманистов приводит в конце концов к тому же чистому эстетству, который мы наблюдаем у Уайльдера. Одинакова и общая реакционная направленность русского и американского гуманизма.

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР, — один из крупнейших писателей Америки, — через посредство клуба имени Джона Рида опубликовал заявление, в котором подчеркивается, ЧТО ТОЛЬКО КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВОЗГЛАВЛЯЕТ РАБОЧИЙ КЛАСС В ЕГО БОРЬБЕ С БЕЗРАБОТИЦЕЙ и снижением заработной платы.

Призывая американских рабочих голосовать на выборах за коммунистов, Драйзер пишет:

— Я считаю, что переживаемый в настоящее время кризис вскрыл полную несостоятельность главенствующих сейчас политических партий, стоящих у власти.

— Их нежелание воспринимать безработицу и голод, испытываемые трудящимися, иначе как с точки зрения своих узкопартийных и групповых интересов, разоблачает их глубокое разложение в еще большей мере, чем получившие широкое распространение злоупотребления с государственными ценностями.

— Их гнилая деятельность обнаруживает циничное желание защищать одни лишь интересы материально обеспеченных слоев населения.

— Поэтому и не выражая полного согласия с целями коммунистической партии, я тем не менее чувствую, что ее кандидаты и ее программа представляют единственно достойное и ценное общественное движение.

● ПРЕБЫВАНИЕ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА В СССР И СОЧУВСТВЕННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПИСАТЕЛЯ О ДОСТИЖЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ и о той коренной ломке, которую произвела Октябрьская революция во всем облике нашей страны, ПРИВЕЛИ В ЯРОСТЬ ИТАЛЬЯНСКИХ ФАШИСТОВ. Об'явив Виргилия и Данте пророками фашизма, они попытались присоединить к ним и Рабиндраната Тагора, представив его своим союзником. Тагор решительно протестует против этой попытки фашистской прессы. «Нелепо воображать», пишет он, «что я мог бы когда-либо поддерживать это движение, идущее по кровавому пути преступления и лжи».

● Американское книжное производство переживает в настоящее время тяжелый кризис. Книжное производство занимает в САСШ второе место после автомобильной промышленности (стоимость всей книжной продукции оценивалась в 1929 г. в 2.750 миллионов долларов). В качестве первого шага в борьбе с кризисом сбыта американские издательства намечают некоторое снижение стоимости книги. Следующей мерой должно будет явиться неизбежное сокращение всего книжного производства.

● Повесть Н. Богданова «Первая девушка» переведена на немецкий язык. «Бруски» Панферова переведены на английский язык.

● Тюрингенский фашистский министр внутренних дел Фрик запретил постановку пьесы Карла Креде «Параграф 218» (направленной против немецкого закона об аборте) в театре Пискатора. Несмотря на постановление суда, кассировавшего решение министра, Фрик продолжает поддерживать запрещение.

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИИ

● ФОСП выпускает [illegible] сборник посвященный советскому строительству, перевыборам советов и предстоящей весенней сельскохозяйственной кампании.

По предложению литкружка Электрозавода, штаб ФОСП прорабатывает встречный промфинплан ОГИЗ.

● На секретариате ФОСП 9 декабря было заслушано сообщение **т. Парфенова** о работе изд-ва Московского товарищества писателей и ходатайство его о принятии МТП в состав ФОСП. Секретариат ФОСП выделил специальную комиссию в составе тт. **Коренева, Ильенкова и Кириллова** для ознакомления с работой Московского товарищества писателей.

● Оргсекретарем ЛОКАФ выделен т. **Матэ Залка.**

— В настоящее время, — сообщил нам т. Матэ Залка, — ЛОКАФ устанавливает тесную связь с музеем ЦДКА и с красноармейскими землячествами для совместной дальнейшей работы.

● На широком общемосковском собрании актива месткома писателей с большим докладом о перестройке работы профсоюза печатников и участия в ней писательских профколлективов выступил председатель ЦК союза печатников т. **Магидов.** В прениях приняли участие тт. **Скачков, Симмен, И. Сельвинский, Вялов, Галлу** и др. Делегатами на областную конференцию работников печати собрание избрало **т.т. А. Богданова, Жигу, Олешу, А. Малышкина, Кириллова, Галлу, Скачкова, Парфенова, Новикову, Лаштатидзе.** На второй областной с'езд печатников собрание делегировало т.т. **Кириллова** и **Парфеннова,** а на Всесоюзный об'единенный с'езд печатников и бумажников — **т. Парфенова.**

● В центральную комиссию при Совнаркоме по введению нового правописания, секретариат ФОСП выделил **С. Буданцева.**

● Закончилась проверка группы «Кузницы» возглавляемой т. **Жигой.** Из 83 ч. этой группы, представляющей абсолютное большинство членов «Кузницы», проживающих в Москве, — принято в РАПП — 60 писателей, отклонено — 17, предложено вступить через нацсекции МАПП — 2. Среди принятых писателей чл. ВКП(б) — 18 (из них 4 канд.), чл. ВЛКСМ — 11, беспартийных — 31, рабочих — 30 (50 проц.), крестьян — 9, служащих — 21.

Прием неявившихся на чистку (4), а также других членов «Кузницы», которые пожелают войти в РАПП в ближайшее время, комиссия постановила проводить через секретариат МАПП с участием представителей «Кузницы» (Жиги и Афрамеева).

О ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ

Децентрализация литературного движения... это заглавие годится для обстоятельной и академически спокойной статьи. Но автор этих строк не может быть спокоен...

Впрочем, начнем по порядку.

Весной 1929 года на одном совершенно официальном заседании шла речь о том, что в Сибири наблюдается «утечка» писателей, ставившая под угрозу самое существование сибирских литорганизаций.

Выслушав вялые реплики двух-трех ораторов, один из руководителей ФОСП, убеленный сединами партиец, сказал буквально следующее:

— Это в порядке вещей, что из Сибири уезжают писатели. Все талантливое стремится в Москву, в провинции же остается, так сказать, низший сорт.

Убеленному сединами партийцу возражал только председатель сибирского отдела ФОСП. Его выслушали безучастно. Сибирский представитель понял, что теория «низшего сорта» очень популярна в столицах. Дальнейшие наблюдения подтвердили этот вывод.

Перелистав тома «Литературной Энциклопедии», сибирский представитель не нашел в нем имени П. Драверта,— одного из зачинателей сибирской поэзии, блистательно соединившего в себе поэта и ученого. Представитель не нашел также имени Исаака Гольдберга, автора семи или восьми книг, среди которых значатся такие, как сборник «Тунгусских рассказов» (первая в художественной литературе книга о тунгусах) или лучшая в современной литературе книга о распаде колчаковщины «Путь, не отмеченный на карте».

Сибирский представитель просмотрел критико-библиографические отделы журналов и не нашел ни одной статьи, ни одной рецензии на журнал «Сибирские огни», существующий 9 лет и за этот период выдвинувший такие имена, как Л. Сейфулина, А. Караваева, Д. Алтаузен и т. д.

Когда представитель взвесил все эти обстоятельства, ему стало ясно, что провинциальные писатели не могут не стремиться в Москву.

В самом деле, провинциальные журналы — «Сибирские огни» (Новосибирск), «Рост» (Свердловск), «На под'еме» (Ростов) — выходят в тираже до 2.000 экземпляров. Прочитываются они двумя-тремя тысячами читателей. До широкого же читательского круга вещи, напечатанные в этих журналах, не доходят.

Сознание, что он работает почти «впустую», вынуждает провинциального писателя эмигрировать в столицу. Получается так, что Москва, подобно Парижу, «монополизирует духовную продукцию страны».

Оставим в стороне сибирского представителя.

Можем ли мы, по примеру убеленного сединами работника ФОСП, безучастно наблюдать «утечку» писателей из литорганизаций провинции?

Сейчас на окраинах идет огромное строительство В Сибири, например, возводится Кузнецкий гигант, новосибирский завод Комбайнов, Беловский цинковый завод, — в Сибири строиться сверхмагистраль, в Сибири создаются крупнейшие совхозы и колхозы. Из страны каторжной Сибирь превращается в страну индустриальную. В гигантской строительной работе, наряду со всей общественностью принимают участие и местные литорганизации. Это участие весьма заметно. Можно смело сказать — нет такого строительства, на котором не побывал бы сибирский писатель. В результате этих посещений в «Сибирских огнях» появляются очерки, вызывающие известный деловой эффект. Нередко писатель выступает со статьей в газете. Газетные статьи помогают устранению очень важных неполадок строительства.

Здесь можно отметить такой случай. В зерносовхозах Сибири не было обученных комбайнеров. Администрация совхозов думала посадить на Комбайн плохо обученных трактористов, что не могло не отразиться на уборке урожая. Писатель, побывавший в совхозах, поднял в печати тревогу по поводу комбайнеров. Писатель предложил перебросить комбайнера с Северного Кавказа, используя то обстоятельство, что в большинстве совхозов Северного Кавказа уборка урожая кончается 10 августа, а в Сибири начинается 15 августа. Это предложение было принято. По вычислениям специалистов оно дало экономию, определяемую в несколько сот тысяч рублей.

Советская общественность провинции давно оценила значение литорганизаций. Сибплан привлек, например, сибирский отдел ФОСП к организации Бюро пропаганды Сибири, имеющее целью форсировать при посредстве печати разрешения ряда проблем сибирского строительства. Выполняя это задание Сибплана, ФОСП совместно с Сибкрайиздатом подготовляет к печати издание сборника очерков о сибирском строительстве под названием «Что вы знаете о Сибири?»

Вышеприведенные примеры несомненно свидетельствуют о том, что работа местных отделов ФОСП ценна и весома. Значение этой работы особенно вырастает в связи с ликвидацией округов, когда вся тяжесть политической, культурной, хозяйственной работы переносится в районы.

Нам кажется, что эта реформа в какой-то степени должна отразиться на работе ФОСП.

Нужно усвоить ту мысль, что местные отделения ФОСП являются участками фронта.

Линия фронта проходит через поля «Гиганта», через Магнитогорск и Кузнецстрой. Именно поэтому необходимо заняться укреплением местных литорганизаций.

Прежде всего нужно создать такие условия, чтобы работа провинциальных писателей не пропадала даром. Критика должна заинтересоваться провинциальными изданиями. В «Книге и революции», в «На литпосту» и других журналах нужно давать обзоры «Сибирских огней», «Роста», «На под'еме».

Необходимо также организовать бригаду критико-литературоведов, которая об'ехала бы крупнейшие литературные центры провинции для организации там докладов на такие темы, как «Дискуссия о Переверзеве», «Дискуссия о «Перевале», «Дискуссия о методе художественной литературы». Для укрепления местных литорганизаций надо послать туда ряд московских товарищей на длительную работу (на срок не менее года).

Кстати, это будет полезно и для московских товарищей: длительная работа писателей на разных строительствах несомненно приблизит писателей к разрешению тех задач, которые поставлены перед литературой реконструктивного периода.

Таковы основные предложения.

Я думаю, что писатели Сибири, Урала, Северного Кавказа и других областей пополнят список мероприятий по укреплению местных литературных организаций.

М. НИКИТИН

От редакции. Редакция с полной готовностью предоставляет страницы газеты для освещения творческого опыта и работы писателей и литературных организаций Сибири, Северного Кавказа и т. д., равно как и писателей и литературных организаций Союзных республик.

В частности, мы ждем высказываний и по затронутым в статье М. Никитина вопросам.

БОРЬБА ЗА МЕТОД*

В области вопросов художественного метода пролетарской литературы нам еще предстоит много споров, много неизбежных ошибок, много путаницы. Удивляться нечему: область эта марксизмом мало разработана, область очень сложная, область, к которой широкие слои партийцев еще только подходят. Естественна, поэтому, на данном этапе обстановка перманентной дискуссии, обстановка группировок и перегруппировок по творческой линии, обстановка **формирования** генеральных установок, обязательных, в дальнейшем, для всего пролетарского литературного движения.

Обыватель рассуждает так: ежели неизбежны ошибки и дело трудное, значит нужно больше терпимости, больше мягкости, больше этого либерализма вообще. Большевик говорит иначе: ежели дело трудное и неизбежны ошибки, значит требуется особенная бдительность к малейшему отходу от ленинизма, значит надо драться за принципиальную отчетливость и непримиримость, значит следует не забывать о тех словах Маркса, которые однажды цитировал Ленин: «Оставлять ошибку неопровергнутой—значит поощрять интеллектуальную нечестность».

Большевистское поведение требует **самокритики**—лозунг, с необходимостью предполагающий работу **коллективной** мысли! Без самой суровой и последовательной самокритики РАПП не справиться с задачей выработки своей художественной платформы. Некоторым кажется, что проводить самокритику — значит оборачиваться лицом назад, в прошлое, и там отыскивать какие либо неподходящие, неудачные, неверные формулировки. У нас имеются приват-доценты (уже выбивающиеся в профессора или еще тянущиеся к приват-доцентуре), которые заменяют критику системы взглядов критикой одной мысли, вырываемой из контекста, критику одной мысли критикой одной формулировки, критику формулировки критикой обмолвки, а то и опечаток. Игнорируя причинную связь, конкретный смысл, историческую обстановку, целевые задания, они громоздят цитату на цитату, не задумываясь перед искажением, не останавливаясь перед передержкой, не брезгуя демагогией, — самокритика, дескать!

Два сборника «Творческие пути пролетарской литературы», отражавшие процесс становления той линии, которая выражена в известном письме секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии,—нуждаются в серьезном критическом пересмотре. В них много не только шлаку, не только издержек выработки, когда прежде чем разрешить вопрос приходится ходить вокруг да около, нащупывая правильное решение, в них имеются и прямые ошибки серьезного характера (особенно в статье т **Ю. Либединского** о художественной платформе). Следует здесь выразить сожаление по поводу того, что мы не имели еще достаточно серьезной критики, снимающей прежнюю постановку вопросов и потому переводящей их на более высокий уровень. Подавляющее большинство противников генеральной линии РАПП критиковало нас по отмеченному выше цитатному, приват-доцентскому способу. Поэтому мы сами—напостовцы, актив РАПП—критиковали и критикуем себя строже и глубже, чем кто либо со стороны, но и этой критики еще явно недостаточно, она еще слаба, ее еще мало!

Разгром «Литфронта», шедшего в творческих вопросах под знаменами мелкобуржуазной революционности, реставрируя нефоровские теории — в том числе и по-настоящему в купреяновском виде— обязывает нас к **усилению** дискуссии по вопросам художественного метода, т.-е., тем самым, к **ускорению** выработки тех определенных точек зрения, которые будут обязательно генеральной линией РАПП. Некоторым кажется, что РАПП представляет собой такую организацию, которая имеет общие установки только в литературно-политических вопросах, оставляя своим членам право иметь любую позицию по вопросам художественного метода. Тем самым РАПП рассматривается как некая федерация, как рыхлая и бесформенная махина, как плацдарм для боев, но не как боевая организация рабочего класса на фронте литературы. РАПП должен иметь и общерапповскую линию в вопросах выработки метода диалектического материализма в художестве. Эта линия не должна быть генерализацией, теоретическим обобщением, возведения в догму творческого опыта какой либо одной части, одной группы, одного направления пролетарских писателей. Эта линия должна расти на основе анализа тенденции творчества всей массы пролетарских писателей. Эта линия должна обеспечивать возможность самого широкого творческого соревнования — на ее основе и в ее пределах, где потраничными линиями оказываются **воронщина и пефовщина** (горбовщина и кушнеровщина, переверзевщина, формализм, конструктивизм).

В статье под названием «В защиту действительности» т. **Беспалов** ** выступает против нормативной эстетики, иронизируя над «Буало эпохи социалистической революции». Здесь обходится Беспалов без вывертывания переверзевщины наизнанку, здесь т. Беспалов прямо продолжает линию переверзевского пассивизма, с его отрицанием возможности активного руководства литературным процессом. Между тем, и наша теория художественного метода должна не только **об'яснять**, но и **изменять** практику пролетарских писателей! Конечно, такая наша «нормативность» не представляет собою что-либо вне-познанного литературной действительности — она питается ее соками и уходит в нее своими корнями, указывая цели, ставя задачи, направляя поиски.

У нас иногда говорят об отставании пролетарской литературы без пафоса недовольства, констатируя, но не призывая к переделке, к перестройке, к преодолению отставания. Кое кому могло казаться, что у некоторых литфронтовцев был такой пафос недовольства—на деле это было не отражение недовольства революции своей литературой, но литераторское недовольство одними литературными образцами во имя других—при том, увы!—не всегда лучших. Именно из среды литфронтовцев шли невероятные рецидивы комчванства, преувеличения успехов «своих», неслыханного захваливания их и курения перед ними фимиама. Поэтому кое у кого из литфронтовцев пафос недовольства пролетарской литературой оборачивался недовольством пафосом общественности именно по отношению к такому-то писателю.

Мы не заинтересованы в какой либо панике—ах, дескать, отстаем, гибнем, все плохо. Наоборот, самая постановка вопроса об отставании свидетельствовала об успехах, об определенном росте, о новых критериях, о более высоком уровне. У нас уже есть свидетельство **творческой перестройки**—новые имена, новые произведения старых, под'ем не одиночек, а групп и отрядов, призыв рабочих-ударников. Но не только практика пролетарских писателей отстает от потребностей эпохи социалистической реконструкции—их **теория** отстает во многом от их **практики**. Дискуссия по творческим вопросам нередко носила оторванный от конкретной практики характер, вырождаясь у тех, кого мы называли выше приват-доцентами, в схоластическую перебранку, в жонглирование цитатами и перед гимназической «ученостью». Без развертывания и углубления **литературной критики** мы не можем двинуться дальше в разрешении тех общих вопросов художественного метода, которые перед нами стоят. Без развертывания и углубления нашей теоретической работы вообще,—в области **методологии** литературоведения, в области **эстетики**—мы не сможем поднять на должный уровень нашу литературную критику.

Наши творческие дискуссии никак не оторваны от политики и классовой борьбы, идущей в стране. Отсюда, однако, не следует необходимость немедленно партийными терминами характеризовать то или иное творческое направление, не поощряя и узко формалистической трактовки творческих разногласий. Только на основе правильной литературно-политической линии может быть найден верный путь в поисках метода диалектического материализма в литературе.

Л. АВЕРБАХ

* Предисловие к книге «Борьба за метод», выходящей в Государственном издательстве художественной литературы.

** «Красная новь», кн. 9—10 за 1930 год.

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА ИНОСТРАННЫМ ПИСАТЕЛЯМ

СТЕФАНУ ЦВЕЙГУ

КОНСТАНТИН ФЕДИН

Дорогой Стефан Цвейг,

на этот раз я нарушаю обычай нашей литературной переписки, нисколько не сомневаясь, что она останется попрежнему дружеской: содержание письма обязывает меня сделать его известным вашим и моим читателям.

С тех пор, как вы ответили Международному бюро революционной литературы на запрос о вашей позиции в случае войны против Советского Союза, прошло полгода. За эти полгода во внешнеполитическом положении Союза существенно изменилось только одно: если до сих пор нападение на нашу страну готовилось по ночам, то теперь это происходит при полном солнечном блеске. Вы, конечно, знаете, с каким «успехом» протекает разоружение капиталистических держав, благодаря «похвальным» усилиям женевской Комиссии. Высокое собрание действительно сделало чрезвычайно много для обеспечения мира, отклонив все предложения советской делегации. Некоторую медлительность работ комиссии можно, пожалуй, об'яснить упрямым присутствием в ней наших представителей, потому что, как только комиссия осталась при закрытых дверях, она тотчас приняла вполне деловое решение,

«согласно которому в разоружительной конвенции должно быть оговорено, что Польша, Румыния, Финляндия, Латвия и Эстония как страны, граничащие с СССР, могут отложить осуществление разоружительной конвенции до тех пор, покуда эта конвенция не будет проведена в жизнь Советским Союзом».

После столь миролюбивого решения можно, пожалуй, сушить сухари и штопать походные сумки. Здесь все указано — и расстановка сил, и даже их число. Нет только даты открытия военных действий. Но, до поры до времени, такие даты держатся в надежном секрете. Комиссия по подготовке... разоружения позаботится об этом.

Я не могу забыть ужасного состояния предчувствия войны, испытанного мною шестнадцать лет назад, в Германии. Тогда это чувство переходило в знание. Но никто не хотел допустить, что война начнется именно в четырнадцатом году, именно летом, именно в июле—августе! А когда война пришла, было уже поздно, во всяком случае, поздно для всех, кто был против нее. Вы помните, что это было!

Надо сделать так, чтобы на этот раз не было поздно. Надо сделать так, чтобы каждому европейцу стал ясен сокровенный и отталкивающий смысл войны. Чтобы никакие декорации заслуженных режиссеров войны — национальные, демократические, цивилизаторские, оборонительные — не ослепили бы народного гения. Чтобы обман был затоптан на корню, прежде чем созреет смертоносный плод.

Нет нужды повторять, что существуют два противостоящих начала — начало революции и начало реакции. Всякая война против Советского Союза, в каком бы углу Запада или Востока она ни загорелась, превратится в мировую войну реакции против революции. Ни на минуту не забывать, что эта война при дверях — вот задача для художников, стоящих по эту сторону революции.

Я причисляю вас к таким художникам, Стефан Цвейг. И мне кажется, что вы напрасно усыпляете себя, когда пишете о своем «убеждении, что агитация некоторых безответственных лиц, имеющая целью снова послать миллионы или сотни тысяч людей под пулеметы или газ, не будет иметь успеха». Ваша оговорка, что «этот безусловный оптимизм не должен ослаблять нашей бдительности», на деле ослабляет бдительность и не ослабляет оптимизма. Вряд ли вы имели ввиду Раймонда Пуанкаре, говоря о «некоторых безответственных лицах». Каждый солдат четырнадцатого года, каждый уцелевший в живых калека знает меру ответственности этого черного героя за прошлую мировую войну. Теперь он хочет увеличить свою ответственность. Пусть так! Его ожидает возмездие по совокупности — и за войну прошлую, и за войну будущую.

Надо помнить, что агитация войны ведется не «безответственными лицами», а лицами, которые под защитой высокой фразы виртуозно уклоняются от всякой ответственности. И поэтому для современного художника допустима одна форма оптимизма — это вера в то, что агитация войны только тогда не будет иметь успеха, если мы противопоставим ей все наши способности, все наши знания, все наше искусство.

В вашем письме вы сказали, что «считаете обязанностью каждого мыслящего человека со всей силой и со всем ожесточением препятствовать попыткам военной угрозы России». Скажите это полным голосом, то-есть так, как вы говорите в своих превосходных книгах. Именно так поступить призван художник, голосующий за революцию, против реакции!

Обращаясь к вам с этим призывом, дружески жму руку и приветствую вас.

КОНСТ. ФЕДИН

ЖОРЖУ ДЮАМЕЛЮ

ЛЕОНИД ГРОССМАН

Когда в 1918 году израненная и обескровленная Европа выбилась, наконец, из четырехлетия разрушений и убийств, над развалинами и братскими погостами снова зазвучали голоса поэтов и мыслителей. Это был первый плач европейской культуры над обломками ее прекраснейших иллюзий о мудром человеке.

В те дни ваш голос, Жорж Дюамель, прозвучал с особенной силой и чистотою. Он был услышан всюду. Вы сумели взволновать бесчисленных читателей суровой правдой и обнаженным трагизмом своего слова, по новому заклеймившего организаторов великого побоища народов. Вы дали самое потрясающее изображение неслыханных страданий, порожденных изощренною техникой новейшей войны. Ваши книги—«Цивилизация» и «Жизнь мучеников» останутся среди сильнейших протестов человечества против самого отвратительного из бедствий политической истории.

И неудивительно: в качестве хирурга вы непосредственно принимали участие в событиях, вы смешались с воющими массами, вы работали в походных лазаретах. В белых халатах и каске мобилизованного вы извлекали из рассеченных тел осколки снарядов и невидимо копили материал для сокрушительного обвинения тех, кто обдуманно и планомерно готовил в штабах, министерствах и лабораториях эту медленную и сложную казнь народов.

Вы не забыли этого опыта и не отошли от этой темы. Еще недавно вышла ваша книга «Семь последних язв», где снова предстали перед нами великие раненые первых битв, мученики девятьсот четырнадцатого года, — все эти безвестные герои с бледными губами, отсеченными конечностями, распоротыми животами и вывалившимися внутренностями. Под вашим пером, уверенным и точным, как хирургический инструмент, с неумолимой отчетливостью снова выступили из прошлого все эти искалеченные и погибшие, награжденные за храбрость крестами — чугунными на грудь и деревянными над насыпью.

Да, поистине вы раскрыли перед миром, Дюамель, ужас последней человеческой войны. Если, как врач, вы отдали свои силы людям, вовлеченным в бойню, как писатель, вы послужили великой цели социализма — его мечте о полной отмене войны, это как нельзя лучше соответствовало вашему учению об искусстве, как о высшем акте человечности, призванном в своем стремлении к прекрасному служить людям и путем творческой симпатии улучшать и об'единять массы.

Почему же теперь, когда генеральный штаб вашей родины детально и научно разработал хитроумнейший план нашествия народов на единственное социалистическое государство в мире, — мы не слышим вашего голоса? Или все эти новые кандидаты в трупы, все эти бесчисленные смертники 1931 года вас волнуют менее инвалидов 1914? Или кровавый и безумный миф войны вас вдохновляет лишь после того, как он стал историческим фактом? Или болящий человек, бессмысленно брошенный в чудовищную пасть современного милитаризма, перестал быть для вас непререкаемой и высшей достоверностью?

Но вы не можете относиться безразлично к нашей стране и к судьбам ее молодого поколения. Ведь отсюда шла мысль, оплодотворявшая вас. Вы не раз признавали себя учеником Достоевского, вы любите Толстого и Чехова. Французские критики сравнивали вас с русскими интеллигентами, ходившими в народ, вы путешествовали по нашему Союзу и пристально всматривались в страну Советов. Мне запомнилось утро, когда мы с вами осматривали в Москве старый дом в Хамовниках, где жил Толстой, и затем музей его памяти. Я помню, как вас взволновала фотографическая группа лиц, растоптанных царским правительством за их враждебность официальным программам и как гневно дрогнула ваша рука, сжимавшая старую фотографию. Я смотрел тогда на эту руку и думал не о прекрасных страницах, написанных ею, а о тех четырех тысячах раненых, которых она неутомимо оперировала и бинтовала под грохот и взрывы безумного четырехлетья. Отсюда, я понял, ее невольный гневный трепет перед каждым напоминанием о подавленности и боли людей. Отсюда ее готовность исцелять ланцетом и бороться пером.

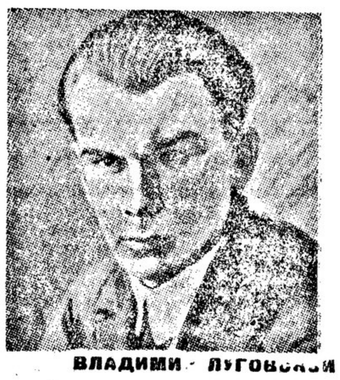
И с обычным мужеством и прямотою вы не отступили в те дни перед трудностью «русской проблемы». Мы помним ваши призывы принять советскую Россию в европейскую семью, воздерживаться от интервенции, не будить опаснейшего столкновения Запада с Востоком. Вы остались в те дни верны себе, своему жизненному и творческому опыту.

Вот почему теперь в новых сумерках, надвигающихся на Европу, мы ждем вашего слова, Дюамель. Мы хотим услышать от вас не о бедствиях отшумевшей войны, а об ужасах надвигающейся новой, готовой ежеминутно воспламенить границы восточной Европы и может быть снова захватить своей яростью весь материк. Мы хотим услышать от вас не надгробное слово жертвам 1914 года, а горячую защиту жизни тех молодых немцев, французов, поляков, русских, которые обрекаются политиками и маршалами вашей страны на новые массовые казни в 1931 или 1933 году. Об этих тайных организаторах нового разгрома европейской культуры, об этой новейшей цивилизации механизированных армий, вооруженных эскадрилий и бактериологических снарядов, о всех бесчисленных будущих мучениках, которые в настоящий момент еще полны сил, трудоспособности и творческой энергии — мы ждем сегодня, Жорж Дюамель, ваших правдивых и гневных страниц.

НА ПОЭТИЧЕСКОМ РУБЕЖЕ

О НОВЫХ СТИХАХ В. ЛУГОВСКОГО

«Сполохи» (1926), «Мускул» (1929) и «Страдания моих друзей» (1930) — таковы этапы творческого пути, пройденные Владимиром Луговским.



ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ

«Сполохи» — первая книга стихов — шла под знаком анархического устремления «вынесть в конец свою сильную силу в холодное Белое море» («Ушкуйники»). «Нет еще стран на зеленой земле, где мог бы я сыном пристроиться» — эти слова определяли значение сборника как творческого документа интеллигенции, находящейся на историческом распутьи.

Все дальнейшее творческое развитие Луговского показывает, как анархический бунт сдерживается революционным волеустремлением. Этот процесс развертывает вторая книга стихов поэта «Мускул», показывающая, как бунтарская стихия устремляется в русло революционной борьбы. Сознательное самоограничение и связанная с ним «левая» фраза, переходящая порой в делячество, — таковы те важнейшие тенденции «Мускула», которые подчеркивает его переходное значение.

Путь Луговского к пролетарской революции интересен и поучителен: таким сложным и извилистым путем приходит к рабочему классу мелкобуржуазная интеллигенция, переделывающая свою психоидеологию в практике классовой борьбы пролетариата. О том, что этот путь Луговским не завершен, свидетельствует последняя книга стихов поэта «Страдания моих друзей». Книга разбита на разделы: «общественный», «бытовой», «любовный», «строго личный». Еще не зная содержания этих разделов, уже сомневаешься в целесообразности такого чисто метафизического подразделения. Одна из основных задач пролетарской поэзии как раз и состоит в том, чтобы показать органическое единство личного и общественного, вскрыть диалектическое взаимопроникновение этих противоположностей. Между тем Луговской считает возможным распределять по полочкам стихи «бытовые», «общественные» и «личные». Так, например, в «бытовой» раздел попадает «Штейгер и Лорелея» — прекрасное стихотворение, принципиально правильно намечающее путь к созданию политической поэзии. Так, «Волчий вой» — стихотворение, поднимающее вопросы философского уровня — попадает в «любовный» раздел.

Книга Луговского сама протестует против тех метафизических принципов, на основе которых классифицирует свои произведения поэт. «Бытовой» раздел через голову автора протягивает руку «общественному», что же касается «личных» и «любовных» тем, то они за малыми исключениями даны в отрыве от общественной почвы.

Наибольший вес и наибольшую значительность в книге Луговского имеет «общественный» раздел. Собственно говоря, стихи, составляющие этот раздел в сочетании с некоторыми стихами так называемого «бытового» раздела, и являются основным стержнем книги, концентрирующим в себе все ее качества и свойства. Основой творческой поэзии Луговского является ее сентенциозность и декларативность. Эта черта, сопровождающая весь творческий путь поэта, по сути дела и является тем основным творческим пороком, который отделяет Луговского и по сей день от пролетарской поэзии.

«Обращение», «Повелитель бумаги», «Письмо в республике от моего друга», «Куда время...» — вот те стихи, в которых содержится центральная по идейной нагрузке сборника, страдают общими недостатками: они риторичны, они декларативны и сентенциозны. Эти пороки, присущие творческому методу Луговского, ни в какой мере не являются случайными; они непосредственно увязаны с мировоззрением поэта и обусловлены классовой природой его творчества. Представитель мелкобуржуазной интеллигенции не переделал еще в процессе переделки мира свою социальную природу настолько, чтобы в своем творчестве органически воплощать классовые противоречия переходной эпохи. Отсюда проистекают все многочисленные пороки поэзии Луговского: «сентенциозность» и неуменье подойти вплотную к конкретной тематике современности (и к рабочей тематике тем более) и пессимистический характер художественной философии, содержащейся в «Страданиях моих друзей». Философская программа поэта развернута в двух стихотворениях, являющихся центральными произведениями сборника: в «Повелителе бумаги» и в «Письме к республике от моего друга». В обоих стихотворениях содержится попытка поставить проблему суб'екта и об'екта и разрешить ее в соответствии с требованиями реконструктивного периода. Иначе говоря, в этих стихах ставится вопрос об отношениях художника к действительности, но ставится не в форме силлогизмов, а в форме живых художественных образов. В чем же выражается пассеистический характер разрешения проблемы суб'екта и об'екта у Луговского? Раньше всего в том, что в стихах Луговского художник выступает как об'ект истории, но не как суб'ект ее. Интеллигентский пассеизм, фейербаховские представления об исторической деятельности человека, пассивно-созерцательное отношение к действительности—вот оборотная сторона сентенций и деклараций Луговского.

— «Возьми же меня в переделку и двинь, грохоча, вперед» — в этих строках сконцентрировано пассивно-интеллигентское отношение к эпохе, скрытое под маской ультрареволюционных деклараций.

Таким образом, сентенциозность и декларативность, имеющие своей оборотной стороной пассивно-созерцательный подход к действительности, являются теми качествами поэзии Луговского, которые тормозят включение поэта в систему пролетарской литературы.

Однако мы совершенно исказили бы перспективы творческого развития Луговского, если бы не остановились на положительных тенденциях книги, свидетельствующих о том, что поэт обладает всеми данными для дальнейшей борьбы за завоевание диалектико-материалистического творческого метода. «Пепел», «Мертвый хватает живого», «Просьба больных», «Штейгер и Лорелея», «Двухнедельный отпуск» и многие другие стихотворения говорят о том, что риторико-сентенциозные творческие позиции подвергнуты критическому пересмотру и преодолению.

Особенно ярко это сказывается на новых стихах Луговского, появляющихся в печати и долженствующих составить новую книгу — «Большевикам пустыни и весны».

Новые стихи Луговского означают, прежде всего, отход от поверхностно-революционной риторики, составляющей порок «Мускула» «Страданий моих друзей». В этом смысле стихотворение «Большевикам пустыни и весны» есть, конечно, поэтическая программа. Конкретизируя, в работниках воды и пустыни, пустынь и степей, пустынь и степей, своей будничной работой двигающие дело социалистического переустройства мира,—таковы герои новых стихов Луговского, свидетельствующих о том, что поэт осознал стоящие перед ним задачи поэтической реконструкции. «Я был набит ошибками, но не кривился в словах». Эти строки еще раз подчеркивают осознание ошибок пройденного пути, осознание новых задач, выдвинутых новой эпохой.

Эти здоровые поэтические тенденции доказывают, что в лице Луговского мы имели поэта, неуклонно продвигающегося по пути борьбы за пролетарское мировоззрение. Путь этот труден и терниет; вместе с победами, он готовит поэту и поражения. Именно поэтому ничто не имеет для Луговского такой важности, как решительная пролетарская критика.

ЛЕВ ЛЕВИН

А. П. САЛОВ
Рабочий завода АМО

ОТ УДАРНОЙ БРИГАДЫ К УДАРНОМУ ЦЕХУ

Автор книжки

Пружинщики САЛОВ

Прошло немало времени со дня организации первой ударной бригады. Мы провели производственное совещание всего нашего цеха.

Прогулы, простои, брак у нас велики. А трудодисциплины нет. Цех зубчатый вызывает нас на соревнование. Что ж? Отказываться? И я предложил:

Об'явить цех ударным и вызвать на соревнование прессовый.

Признаться, боялся я, что рессорщики не примут такого предложения. Но большинство меня поддержало и утвердило организатором ударных бригад.

На следующий день весь цех (66 чел.) разбили на ударные бригады по участкам. Даже адм.-технический персонал выделили в отдельную бригаду. Всего организовали 10 бригад.

Производственная комиссия заключала договоры, брала обязательства:

Уменьшить брак, если он был 2 проц., то до ½ процента. Изжить прогулы до нуля. Обучить двоих или пятерых чернорабочих работе рессорщиков или пружинщиков. Удешевить себестоимость на 12 проц. Вести всем членам бригады общественную работу — такие обязательства брали наши бригады.

Начали добровольно снижать расценки.

Как-то подошел ко мне кузнец Галанкин:

— Я вот так же хочу, по твоему примеру, рабочий день уплотнить и, значит, расценки снизить. Боюсь только, как бы не смеялись. Да пожалуй, еще ТНБ после влобазок срежет. Сбавили, — значит, мол, расценки велики.

Я его убедил, что этого не получится, и он вызвал на соревнование бригаду Зайцева. Этот момент я сейчас же использовал. И большой красочный плакат сообщал рабочим:

Бригада Галанкина снижает добровольно расценки на 15 проц. и вызывает на соревнование бригаду Зайцева.

— Ну, как, Горшков, — говорил Зайцев, — ответим что ли?

— Гляди. Тебе как бригадиру виднее. Есть у нас «хвосты» или нет? Да потом ведь, как другие двое?

Скоро на доске появилось об'явление о том, что Зайцев снижает расценки на 18 проц. и вызывает бригаду пружинщиков. Те ответили на вызов не сразу. Кой-кто упрямился. Пришлось нам уговаривать Семенова, который никак не соглашался. Набрали все-таки в среднем 9 проц. и решили вызвать рессорщиков. Те ответили без колебаний.

Захарыч потряс весь цех. Он снизил расценки на санитарные рессоры на 37 проц.

— Готовься, Степа, — подшучивал он над Бирюковым, — тебя вызываю, кто больше снизит.

Степа будто этого и ждал. У него работа увеличилась, и материал стал итти лучше. Он всех перецеголял: снизил на 42 проц.

Меня окончательно засыпали заявлениями. Даже работать некогда было. Приходилось писать вызовы, ответы, вызовы, ответы. К счастью, под руку подвернулся художник, которого мы завербовали в десятую ударную бригаду, и он согласился делать нам плакаты.

Не снижала расценок только одна бригада, которую вызвали комсомольцы-рессорщики, — бригада Саши Юшина — заготовщики и кузнецы. Не желая отставать от других, Саша собрал всю бригаду и подал заявление о снижении на 9 проц.

НЕПОЧАТЫЙ РОДНИК

Что нужно сделать, чтобы удешевить себестоимость в нашем производстве?

Самое главное, я считаю, нужно желание. При желании все можно сделать. Лишь бы мозгами пошевелить, да посильнее.

По нашему цеху ребята после уплотнения рабочего дня переключились на изобретения. Предложений мы собрали за год 64. Из них 48 получили премии от 10 руб. до 450. Есть очень простые предложения, которые дают большой экономический эффект.

Рессорщик Кокорев изобрел штамп, где-то разыскал обрезки стали и без посторонней помощи сделал за десять часов что-то в роде «мялки», которой мнут в деревне лен. Смешное дело эта мялка, а увеличила она выработку на 35 проц. Благодаря Кокореву перестали гнуть листы в холодном виде. Мялка спинала, кроме того, себестоимость на 26 проц., и за это Кокорев получил 150 руб. премии.

Еще больше показала себя бригада пружинщиков в 6 чел., в которой вот уже 1½ года работаю я.

Бригадиром у нас Агейкин, тот самый, которого исключили из союза. Бригада выбрала его на большую работу для исправления. И надо сказать, что этот способ оказался правильным. За десять месяцев работы Агейкин так себя показал, что многие активисты удивляются его достижениям по изобретательству, его интересу к общественной работе. Стоит ли говорить, что его восстановили в членах профсоюза?

Что же мы проделали за год соревнования?

Раньше делали пружины так: рубили, обжимали концы, правили, калили, отпускали, обжимали, правили окончательно для сдачи—и все это вручную. Мы произвели по пружинам в цеху целый переворот.

Достал я на «кладбище» поломанный ручной пресс, обделали его с Колегаевым и приспособили для рубки и обжимки всевозможных пружин. Это ускорило выпуск на рубке и обжимке в три раза. Так как работа значительно упростилась, мы передали ее бригаде заготовщиков, которую организовали из чернорабочих.

Хорошие предложения дал Агейкин: он сделал для рубки мелких пружин ручные ножницы, которые также увеличили в три раза выпуск изделий.

Есть у него еще ценное предложение — по калке пружины. Раньше мы калили пружины по 2, по 3 штуки, но Агейкин сделал приспособление, и теперь мы сразу калим 75 штук. Было и еще много мелких приспособлений.

А результат получился такой: три месяца назад программу в 40 тыс. пружин в год выполняли шесть пружинщиков. Теперь по встречному промфинплану мы взяли на себя обязательство втроем выполнить программу в 140 тысяч пружин. Трех пружинщиков пятого разряда мы использовали на других работах.

По предложению Хлюстова сделали второй штамп для задних рессор.

Мастер Бахов также внес семь предложений. А всего за год соревнования мы сэкономили цеху рабочими предложениями 19.110 рублей.

ВСЕ НА ВИДУ

Что значит соревноваться и не знать результатов соревнования? Это значит итти вперед с закрытыми глазами и не видеть своих достижений. Я стал подумывать о том, как поставить учет соревнования в своем цеху. Здесь мне не мало помог мастер Рахманов.

Раньше мы не знали, сколько наш цех выпускает рессор, пружин, как выполняется программа, сколько у нас прогулов, простоев, брака. Никаких отчетов и докладов мы у себя в цеху не видели и не слышали.

Чтобы каждый рабочий видел результаты своих трудов, мы вывесили цеховые показатели соревнования на большой (два метра) фанере.

На этой доске — вся жизнь цеха. Отсюда мы узнаем, сколько у нас рабочих квалифицированных и неквалифицированных, сколько ударных бригад. Много ли предложений по улучшению производства, как велико добровольное снижение расценок, выполняется ли задание. Видно, кто делает брак, кто гуляет и т. д.

Учет разбит по месяцам. По этим показателям сразу становится ясно, где у нас узкое место. Сейчас же на-ходу мы, обсудив недостатки на бригадных и производственных совещаниях всего цеха, немедленно перестраиваемся.

Но разве достаточно знать, как живет цех в целом? А бригада или ударник в бригаде? Ведь бригаде тоже нужно знать свои достижения и недостатки. Нужно видеть, кого бригада вызвала на соревнование и кто ее вызвал, как договор выполняется. Мы завели и бригадный учет.

По этому учету можно судить не только о работе бригады, но и каждого ударника в отдельности. Видно какую ударник несет общественную нагрузку, как ее выполняет. Кто дал предложения, какая польза от них имеется, какую премию получил и т. д.

Прогульщиков бригада берет под обстрел и ставит им на вид или выносит выговор. Если, положим, Матвеев прогулял за июль семь часов или больше, то бригада этот вопрос обсуждает на своем собрании. Также поступает и в случае брака.

А в результате таких мер мы получили за год соревнования премию в 4.400 руб. Если бы не было у нас учета, как бы мы стали эту премию делить? В кузнице и в литейной из-за премии чуть не подрались.

„СКВОЗЯМ"

Ударники - рессорщики выполнили свои обязательства и по ученичеству. Не было ни одной бригады, которая не взялась бы выучить чернорабочих. Все бригады имели одного или двух учеников, а Захарыч, так тот по собственному горькому опыту один обучил своих. Помогал своим ученикам даже деньгами.

Хорошее начинание сделал Кокорев, который взял шефство над Мишей Смирновым, неопытным еще рессорщиком, и вызвал на соревнование других. После этого пошло.

Соревнование бригады с бригадой много дало цеху. Но скверное снабжение материалом, арматурой и проч. еще останавливало в нашем цеху целые бригады.

Бюро производства говорило так:

— Кто вы? Вы — последняя спица в колеснице. Если на заводе есть — дадим, а нет — обождите.

Но у нас тоже был свой промфинплан и все безобразные задержки нужно было прекратить.

15 мая текущего года планировщик Мартынов узнал, что на складе нет материала для рессорной стали. Что делать? Собрались в обед, обсудили как быть и решили послать Захарыча в Ленинград на «Большевик» за сталью. Написали от своего цеха обращение, а сами пошли в отпуск. Хотя и рановато, но считаться с положением приходится.

Месяц пролетел быстро. Захарыч достал нам на «Большевике» лишь один вагон. Рессорщики с голодухи его быстро съели, и опять за неимением материала пришлось пускать весь цех в отпуск.

Мало того, что не было рессорной стали, — кончились и запасы пружинной стальной проволоки, которую мы получали из-за границы. Но отпусками массу не накормишь, и программа не ждет.

Тогда я по опыту ростовского Сельмаша решил организовать у себя на заводе первую сквозную бригаду. Мы зависим от 8 цехов завода, и все они снабжают нас нерегулярно.

Сквозную бригаду построили так: из 10 бригадиров выбрали 3 чел в бюро сквозной бригады. С 8 цехами, которые мешают нам планово работать, заключили хозяйственно-политический договор: доставляйте нам аккуратно требуемые изделия. Например, если нет у бригады сборщиков болтиков или трубочек, бригадир сейчас же заявляет мастерам. Но мастеров иной раз завы цехов слушать не хотят. Тогда идет сквозная прямо на место, обращается и к завам, и к рабочим, и результаты, конечно, хорошие. Откуда что является. Сразу находят и материал и людей. Так мы ликвидировали простои нескольких бригад. Приходилось быть толкачом не только на заводе, но и повыше — в ВАТО (Всесоюзное автотранспортное об'единение) и в Металлоимпорте.

Как-то раз к нам в цех прислали 50 тонн рессорной стали из Златоуста. Она оказалась совершенно негодной. Сквозная стала искать виновника. Ездил за сталью из ВАТО некто Рукавишников. Он нам так заявил:

— Ну, если я виноват, то полавайте на меня, куда хотите. Я отвечаю. На сталь, которую вы забраковали, сделайте акт и пошлите ее обратно в Златоуст. Вместо брака вам вышлют хорошую.

А где его собственные глаза были?

Вот, думаем, где спецы-то сидят, из-за которых получаются прорывы на наших заводах и на транспорте.

Идем в местком. Спрашиваем:

— А как у вас чистка-то была?

Отвечают, что была, да не всем, а этого спеца как раз и забыли прочистить.

Скоро у нас стала бригада пружинщиков: нет материала ни в цеху, ни на заводе. Дела — дрянь.

— Значит, сквозим, — говорит Агейкин.

— Сквозим!

Двинули в Бюро производства. Бюро заявляет, что заявки отдали три месяца назад. Двигаем по инстанциям, не считаясь с выходными днями. В ВАТО нам преподносят документы, заявки, напоминания, разные справки и заявляют, что все зависит от Металлоимпорта.

Мы, долго не думая, в Металлоимпорт.

Сквозная бригада дает нам много. Она не только добивается своевременного снабжения. Она выявляет виновников срыва работы — их мы судим на производственных товарищеских судах или трибуналах.

ЦЕХ ПЕРЕРОДИЛСЯ

Наш цех сейчас работает по-новому. Много значит, что завцехом — крепкий. Старый знакомый — Федя Смирнов. Подучившись за границей, он сменил Рахманова, временно исполнявшего обязанности старшего мастера.

Мастером у нас Сережа Бахов. Не узнать в нем теперь прежнего моховского ученика. Только и живет человек производством. Много работает над изобретениями, и они дают хорошие результаты.

Мы ввели новую форму профработы—инструктаж. Ни в одном цеху нашего завода ни на других заводах о нем не слыхать. А штука эта нужная.

Инструктаж важен для рабочих, которые только вчера пришли из деревни прямо в цех. Они не знают жизни цеха, не знают производства, его опасных мест, не знают организаций.

Чтобы познакомить их со всем этим, мы использовали треугольник: завцехом Смирнов читает лекции о том, как должен вести себя рабочий в цеху (у нас есть соляные и свинцовые ванны; бросишь туда что-либо сырое—может брызгами глаза выжечь и проч.). Члены цехкомитета знакомят их с профработой, а секретарь цеячейки — с партийной с ударничеством.

Таким образом мы боремся с отсталыми настроениями среди новых или деревенских рабочих.

Приняли мы шефство над двумя коллективами — «Ясная Поляна» и «Завет Ильича». Отпустили в помощь этим коллективам две тысячи рублей.

ПИСАТЕЛИ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

стоит БАЛАХНА...

Итак, мы мобилизованы на ликвидацию бумажного прорыва. Бригада составлена. Мы едем на Балахнинскую фабрику, место нам неведомо, Гумилевский привел, однако, поговорку «Стоит Балахна полы распахна». Мы с некоторым ужасом восхищаемся грамматической формой: распахна.

Каждый из нас, вероятно, думает:

«От моего письменного стола до балахнинского захолустья — толстые версты непогоды, непролазной грязи, рек, перелесков. Все это я могу вообразить не двигаясь с места, еду, потому что, мобилизован, и неизвестно, что буду там делать, хотя работа моя, видимо, очень нужна».

❦

А на поверку выходит — всего вообразить нельзя. Месяц, который мы пробыли на предприятии, я ходил отягченный, «переевшийся» впечатлениями. Значительная часть творческой энергии уходила на веселое, шумное, суетливое газетное писание, на массовую работу (кружки, литвечера, выступления и т. д.) и, главное, на «вхождение» в производство, в быт, в людей. Мы составляли листовки, заполняли «Волжский Бумажник» и «Новую Балахну» очерками и стишками. И часто возникало сомнение: да полно, нужны ли здесь писатели? Сколько проворных молодых людей бегает по издательствам Москвы, пишет малоосведомленные, но хлесткие статейки, рецензии, политиканствует, заражается самыми дурными навыками кружковщины, варится в дурной богеме. Вот им бы сюда, на выучку, в заводскую газету, в литкружок (уча других, они и сами подучились бы!), в режим предприятия. Увы, по этим сомнениям видно, что газетная работа, по которой мы сдавали пересжаменовку, проходили поверочный сбор, отнимала у нас все время, но не занимала полностью наших творческих сил и мыслей. И все же, каждый день оставлял некий нерастворимый остаток, что-то менялось в сознании, что-то менялось в отношении к миру и в отношении к своему искусству. (Оговорюсь, я веду речь в чисто литературном а не общественном плане, хотя отлично понимаю, что здесь нельзя провести отчетливую границу).

Обстоятельства потребовали: стань газетчиком, фельетонистом, стихотворцем, составителем лозунгов, очеркистом, публицистом. Литературно — это освоение новых забытых жанров, через которые прошел, перерос и еще раз убедился, что сделать новеллу несравненно труднее, чем написать производственный очерк. Но попутно шло усвоение производства, на глазах огромный коллектив боролся за план и видно было, как трудно справиться с высокосовершенными машинами, с предприятием необыкновенной сложности. И еще увидали мы классовую борьбу. Классовая борьба! — одно дело читать об этом в книжках, газетах, наблюдать на своего кутка, и совершенно другое — влезть в гущу свалки и видеть на простых и глубоких личностях, как эта самая классовая борьба буквально расскажет человека на части, в разные цвета окрашивая всю анатомию противоречий психики. Сезонник на лесной бирже не то, что рабочий бумажного вала, стоящий у сушильных валов, бумажник в свою очередь отличен от строителей, коммунист-хозяйственник не похож на самого добросовестного специалиста-инженера.

***

В цеховой конторе бумзала, или древеномассного завода, вели мы на вид спокойные, а внутренно тревожные разговоры о промфинплане, об американских машинах, о русском рабочем, о кадрах. Возникал технический вопрос, к примеру, ставить, или не ставить запасные цистерны для древесной массы. Инженер, вполне достойный доверия человек, сын коммуниста, побывал в Америке, и говорит: ставить. Председатель фабкома, молодой и шумный парень, который выворачивает словечки вроде: «камень соприкосновения», утверждает, что цистерны не нужны, что это технический хвостизм, что это профанация самой идеи конвейера, воплощением которой должен быть Балахнинский бумажный комбинат, и что можно и в наших силах добиться такого режима, при котором всякие запасы будут не нужны. Может быть для текущего момента наш предфабком и заражен настроением «шапками закидаем», но он смотрит вперед, за грань американских достижений, в плену которых находится инженер. Спор о цистернах — была бы совсем хорошая тема для рассказа и можно раз'ять весь психологический и классовый остов этого спора, я спрашивал себя — не пора ли и не нужно ли это сделать? Чем это хуже любовного поединка Базарова и Одинцовой,—менее сложно что ли, менее глубоко? Вопрос для меня не решен. Серьезнейшим препятствием встает, что «цистерна» не всем понятна, не всем близка, тогда как все детали любовного поединка понятны и близки и рязанскому пастуху, и лондонскому снобу. Недаром технические проблемы, как завязка интриги, сохраняются в отроческих и юношеских романах: их читателю условно равноценны и неясны—борьба за овладение луной, на которую летит жюль-верново ядро, и женщиной, к которой его еще только несет время. Искусство обрабатывает эмоции, и здесь «цистернами» не все вычерпаешь! Не следует отказываться от поля, взрыхленного и обработанного тысячелетиями и величайшими гениями. Известно, что пригородные огородники, которых выселяют, перевозят на подводах драгоценный верхний слой земли, унавоженный и облагороженный работой предыдущих поколений. Искусство —продукт высокой культуры, и «гумус» его нам надо сохранить.

Но ведь не зря же я пробыл на советском фабричном предприятии и я не сведу разговор в неудачам с описаниями техники. В «Погибающих мечтаниях» Бальзаку решительно не удалась попытка сделать одинаково «вечным» описание типографии Сераша и борьбу Люсьена с мадам Баржетон. Неудачи Бальзака, увы, и для нас поучительные уроки! Этот «камень соприкосновения» достаточно тяжел. И все же, не зря стоит Балахна! Она дала внушение, что писать надо не о машине, а о человеческой борьбе вокруг машин. Новой сложностью обогащается мир, сложностью современного производства, но ведь об этом кричал и Маринетти — лысый фашистский тупица, — Пьер Амп сочинил больше десятка томов, похожих на инвентарные списки машин и технические исследования. Но только революция, только она, обнажив действие всего социального переплета, открывает искусству ходы и расширение тематических запасов. И революция внушает: смотри, наблюдай, учись борьбе на любом заводе, на любой фабрике, в любой деревне, участвуй в борьбе, учи борьбе. Перелистай, писатель, все книги, которые написаны до тебя, и ты увидишь, что все они решают тему о состязании. Твое время — эпоха состязания мира эксплоатации и мира труда. Но если прежде в новеллах и драмах дрались Монтекки и Капулетти, то пусть в современной литературе борются категории более властные, чем семейная ненависть.

***

Стоит Балахна... Над Волгой, над песчаными отмелями, перелесками господствует угловатая, сложнообъемная геометрия корпусов, труб, башен. Постоянный грохот стоит над окрестностью, белый пар клубится над зданиями. Но пар для меня не просто нейзажная потребность, за ней скрываются потери, ибо пар это тепло и топливо, и нечего тешить им белый свет. Пар этот идет из вентиляционного устройства, которое проектировал ученый немец профессор. Класс, с которым связал себя профессор, не хочет победы пролетариата, и профессор выполнил проект не со всем знанием и искусством, которым владел. Я знаю ход в психологический лабиринт ученого немца и, может быть, опишу, как ученую добросовестность побеждает классовый инстинкт. У меня есть читатель, который «понимает» эту борьбу не хуже, чем схватку из-за Натации Ростовой.

Но я видел и учился на предприятии совершенном и замысловатом, оборудованном техникой поистине великолепной. Там стоят машины, которые требуют от рабочего прямой «интеллигентности», интеллектуального внимания, зоркости, напряжения. Из этого я делаю вывод:

Наше искусство должно быть такой простоты, которая вполне справилась бы с любой сложностью эпохи. Это простота превзойденного Пруста, Достоевского, Джемса Джойса. Пролетариат справится с этой простотой.

Здесь тема моей статьи разрастается в спор, который еще ведут на Балахнинской фабрике о цистерне древесномассового завода.

И в споре этом победит самонадеянный предфабком, а не осторожный специалист, который где-то в глубине души не может связать себя безусловной верой в то, что рабочие достигнут полного овладения конвейером вверенного ему производства.

СЕРГЕЙ БУДАНЦЕВ

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

ПОЧЕМУ ИЗ'ЯТЫ МОИ КНИГИ?

Я получил из Ленинграда извещение, что моя книга «Село Екатерининское» из'ята из нескольких библиотек—не на основании постановления комиссии Главполитпросвета, а вследствие того, что эту книгу разругала в журнале «Книга и Революция» Е. Левицкая.

Е. Левицкая отмечает якобы давно установленную критикой «ходульность выведенных типов, пошлую трактовку любовных сюжетов, неудуманность, нежизненность и пр.». Это пишется о книге, с 1923 г. выдержавшей шесть изданий и отрывки которой вошли в десяток хрестоматий для школ.

Е. Левицкой, не умеющей разбираться в книгах, следовало бы прислушаться к тому, что писалось об этой книге в ц. о. партии—«Правде» и в том же журнале, в каком она сотрудничает.

Не лучший отзыв Е. Левицкая дает и роману «Вихрь», с 1926 года выходящему шестым изданием (последнее—массовое), переведенному на французский язык и четыре месяца ежедневно печатавшемуся в ц. о. Французской компартии — «Юманите».

«Все недостатки первых двух частей трилогии, — пишет Левицкая, — имеются налицо и в третьей». Но кроме этих недостатков, в «Селе Екатерининском» (Бобрики, моя родина), она жестоко бичует авторские преувеличения преобразований в этом селе: «И пруды там, и кучальни, и лодки и даже электрическая станция, с которой электроэнергия подается в Москву! Это с Дона-то!»

Свою неосведомленность Е. Левицкая превратила в вину автора, обзывая его Хлестаковым и с омерзительным озлоблением добиваясь от издательства прекращения печатания этого автора.

Я терпел критику Е. Левицкой до тех пор, пока она не причиняла мне особого вреда. Но когда по таким отзывам начинают мои книги выкидывать из библиотек, а уважаемая Е. Левицкая добивается еще того, чтобы впредь мои книги не печатались, я считаю необходимым протестовать.

Я ни разу не выступал в печати против критики и считаю ее полезной для литературы, как орошение для цветов. Свои книги считаю не свободными от недостатков, которые стремлюсь устранить. Но видеть себя в зависимости от невежественного человека, почему-то возомнившего себя критиком, — несносно, и я хочу отвести заботы этого человека от моих книг.

А. ДЕМИДОВ

От редакции. Мы присоединяемся к протесту А. Демидова. Пора прекратить совершенно недопустимое, легкомысленное отношение к такому серьезному литературно-политическому делу, как из'ятие книг советских писателей из советских библиотек.

„ДОЛОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКУ!"

Политуправление ОКДВА издает в Хабаровске газету «Тревога». Несколько месяцев назад, перед армейским совещанием высшего начсостава, в газете на видном месте появились «четыре пожелания» одного командира, занимающего большой пост. Три пожелания касались необходимости повышения военной квалификации начсостава и не могли вызвать никаких возражений. Но четвертое «пожелание»... Вот оно дословно:

«Желательно, чтобы начсостав на читку «романов» уделял значительно меньше времени, чем теперь, не более 3—5 процентов. Не плохо будет, если он в ближайшие 2—5 (здесь в моем экземпляре газеты белеет плешина и невозможно точно установить, идет ли речь о месяцах или годах)... совсем перестанет читать беллетристику, а отдаст свободное от службы время на самоподготовку по изучению военно-политического дела».

Характерно, что товарищ краском «отменил» художественную литературу вообще. Он не подразделяет художественную литературу на чужую и свою, на буржуазную и советскую. Нет, ему это все равно: долой беллетристику!

Огромный интерес к художественной литературе со стороны бойцов Красной армии вызвал необходимость создания ЛОКАФ, и нужно, чтобы ответственные и авторитетные руководители политпросветработы в армии указали на всю вздорность и вредность безоговорочного административного «аннулирования» художественной литературы.

Ис. ГОЛЬДБЕРГ

„СМЕНА ГЕРОЕВ"

В МАЛОМ ТЕАТРЕ

«Смена героев» генеральная тема советской драматургии, смена героев на исторической сцене. Победа нового героя и овладение им высотами жизни, поражение старого, мимикрия старого под цвет окружающей среды, борьба его за победу в себе нового. Каждый день советский театр СССР играет «Смену героев»; наступил день, когда актер сорвал маску лицедея и заявил, что будет играть самого себя. Заявление это, сказанное с трибуны московского Малого театра, прикует к себе внимание всего советского актерства и театральной общественности. Смена героев, овладение художественной интеллигенцией,мировоззрением и мироощущением пролетариата, — не только требование общественности. Это требование искусства.

Мысль: «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», перефразируем так: «ты не можешь быть поэтом, если не будешь гражданином, ты обязан быть гражданином, если хочешь быть поэтом». Иначе образ зазвучит фальшиво.

Эта фальшь начинает уже чувствоваться. Недавно в крупном центре СССР рабочие один за другим выходили на сцену городского театра и с пролетарской прямотой обвиняли актеров в том, что они фальшиво играли. На конкретном материале исполнения они доказывали, как отсутствие мировоззрения и связи с массами вносит фальшь в пьесу, в роль, как тускнеет поэтому сам талант.

«Смена героев» в Малом театре проходит мимо этих обвинений.

В пьесе старый актер Рощин, обиженный требованием месткома не пить в театре, отказался от роли и был с успехом заменен молодым актером Барсуковым. В прежнее время Рощин тоже отказывался играть, обиженный антепренером, не уплатившим требуемого гонорара. И тогда Рощина успешно заменял молодой Барсуков, а Рощин грустно вздыхал над тем, что времена меняются, на смену старым талантам приходят новые... — «Мы все сойдем под вешние своды, и чей-нибудь уж близок час». Автор «Смены героев» точно опасался, как бы в его биологической теме смены поколений не нашли смены идеологий. Поэтому спектакль, где Барсуков заменяет Рощина, спектакль—классического репертуара. В советском спектакле Барсуков победил бы Рощина более верным исполнением советской роли. Классический спектакль — «Коварство и любовь». Затянутый в мундир Фердинанда, Брусков произносит пылкий монолог о театре. Тридцать лет назад также пылко говорил молодой Рощин, заменивший тогда старого Рощина, почему-то отказавшегося от спектакля. Старый Рощин произносил подобный монолог — шестьдесят лет назад. И так далее... о сотворения мира. Впрочем, смены поколений в пьесе тоже нет: оказывается, сменять Рощина никто не собирался, оказывается, Рощин не думал отказываться от спектакля, его «подговорил» интриган актер Букетов. На Букетова обрушивается всеобщее презрение. Семейный инцидент исчерпан. Значит, — такова логика, Рощин должен по-старому играть и работать. Но автор вымещает свою неудачу на герое, несправедливо заставляя его и дальше переживать и мучиться. Это неуважение к своему герою, недостойная травля героя, гражданин автор!

В чем же идея «Смены»? Вероятно, в идее противопоставления личности и коллектива. Старый герой в угоду себе срывает спектакль, новый герой заявляет: «Интересы театра — прежде всего». Явное недоразумение! Московский Художественный Театр давно установил традицию: прежде всего интересы театра, перед которым все участники равноправны. МХТ не делал из этого сенсации.

В чем же, наконец, идея «Смены»? Стало быть, в необходимости борьбы с закулисными нравами. Старые герои легкомысленно похищают чужих жен, много пьют и невежливо разговаривают с сослуживцами. Нужно бороться с этим, но не в этом проблема «Смены». Закулисные нравы исчезнут, когда исчезнут старые идеи, когда пролетарская идеология завоюет театр. Автор же пизволит проблему новой идеологии к проблеме... лишней бутылки вина. От имени пролетарской общественности Романов христолюбиво упрашивает Рощина: «Не пожелай жены ближнего своего», «Не чревоугодничай». «Люби ближнего, как самого себя». Но это ведь от Иоанна, не от Маркса, «Нет, от Маркса», — настаивает автор.

В течение всего спектакля старые герои неумеренно пьют вино. Новые герои сделали гигантский шаг по пути овладения пролетарской идеологией. Они вовсе не пьют вина. Новые герои пьют квас. Бутылка с квасом, действительно, появляется на сцене и фигурирует там с раздражающей назойливостью. В честь победы Барсукова подымают стакан с квасом. Стакан кваса, сменивший бокал шампанского, — вот она смена героев!

«Ложная идея не может не вредить художественному произведению, так как она вносит ложь в психологию действующих лиц». Рощин мечется по сцене, покрывается смертельной бледностью, заламывает руки, — большую трагедию переживает этот художник. Но так как никакой трагедии он не переживает, то все эти страсти — бумажные, наигранные, кафешантанные страсти.

У Рощина трагический разлад с женой Муж говорит, жена говорит, жена говорит, муж говорит. Но принципиальной, идейной основы для этого разлада нет. Поэтому, когда Рощин направляет на жену ружье, жене не страшно, и нам, зрителям, не страшно. Нам, зрителям, в первую минуту кажется даже, что Рощин шутит. Оказывается, это всерьез. Всерьез намерен подстрелить молодую жену. К ответственности за это мы привлечем не Рощина, сам он никогда не решился бы на такой шаг

Театр полностью поддержал автора. Обычно, если можно так выразиться, театр робеет перед автором. Ему, автору, видней жизнь его героев — шахтеров, красноармейцев, колхозников. Почему сробел театр в этом случае? Может быть он считает, что «Смена героев» ставит или разрешает проблему актера в реконструктивную эпоху?

Советское актерство стремится овладеть славной ролью, выпавшей на его долю: показать эпоху строительства социализма и зажигать энтузиазмом строителей. Банально и плоско подошел к этой задаче театр, поставивший «Смену героев».

Ю. ЮЗОВСКИЙ

ПРОРЫВ

НА ФРОНТЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Идет генеральная перестройка работы ВОКП, его областных организаций и в первую очередь московской организации. В этот момент необходимо пересмотреть и подвергнуть критике главные секторы деятельности крестьянских писателей.

В данном случае мы коснемся сектора крестьянской драматургии, которая до сих пор находится в беспризорном состоянии.

В наше время стало азбучной истиной, что перед крестьянской драматургией, как и перед драматургией вообще, как и перед искусством в целом, стоит ответственнейшая задача художественного воздействия на широкие колхозно-крестьянские массы — в направлении социалистической реконструкции народного хозяйства в целом, в плане переустройства сельского хозяйства на началах коллективизации, в плане изменения всего производственно-бытового уклада многомиллионной массы сельского населения.

Драматургия должна занять активнейшие позиции на этом важнейшем фронте борьбы за новую, колхозно-совхозную деревню, за обобществленный труд, за нового человека, борьбы с косностью, темнотой и предрассудками, наконец—борьбы с капиталистическими остатками в деревне.

Как же справилась и справляется крестьянская драматургия с этой задачей? Насколько сказалось ее влияние на широкие массы деревни в плане социалистической реконструкции народного хозяйства?

Ответы отрицательные. Крестьянская драматургия не справилась со своею задачей не оказала должного воздействия на широкие массы — по самым животрепещущим задачам социалистического строительства.

Продукция истекшего года наглядно показывает, что крестьянская драматургия явно не поспевает за жизнью, плетется в хвосте в таком важном деле, как обобществление и перестройка крестьянского хозяйства. Она явно провалилась на фронтах — пропаганды механизации и машинизации сельского хозяйства, пропаганды агрономическо-культурной революции в деревне. Не оправдала надежд и в области коренных изменений в бытовом укладе современной деревни.

Провалилась крестьянская драматургия и на фронте пропаганды финансовых мероприятий государства, в первую очередь — пропаганды госзаймов, на фронте пропаганды обороны государства, пропаганды индустриализации страны и пятилетки.

Продукция крестьянской драматургии относительно и абсолютно ничтожна — всего около 10 проц. всей драматургической продукции, что составит около 150 названий.

Это при наличности 50 — 60 тысяч деревенских драмплощадок.

Помимо тематической отсталости и количественной мизерности крестьянская драматургия заключает в себе ряд других пороков, сводящих почти на нет значение всей той продукции, которая с грехом пополам появляется в печати.

Крестьянская драматургия недостаточно вооружена в плане тематического и идеологического осознания поставленных перед нею задач. Часто тематически и идеологически она безграмотна. Художественно в большинстве случаев — беспомощна. Критики крестьянской драматургии почти не существует. Вопросы творческого метода и художественной грамотности никак не поставлены. Писательские силы никак не об'единены вокруг драматургии, а проблема кадров и призыв колхозно-совхозного молодняка находятся в зачаточном состоянии. Драмкружки никак не увязаны с организациями крестьянских писателей по линии драматургии. Нет согласованности и договоренности в этой области и между заинтересованными организациями.

Словом — на фронте крестьянской драматургии неблагополучно. Прорыв почти стопроцентный. Его необходимо ликвидировать, и в ближайшие же месяцы.

Прорыв на фронте крестьянской драматургии есть один из самых крупных недочетов в работе не только об'единений крестьянских писателей, но и тех организаций, которые призваны руководить и направлять искусство в деревне и в первую очередь — руководящего органа Наркомпроса — Главискусство.

Организации крестьянских писателей признали порочной свою работу в области драматургии и принимают ряд мер по ликвидации прорыва.

Драмсектор наметил перестройку работы в соответствии с основными задачами социалистического строительства. Констатировав глубокий прорыв на своем участке, сектор об'явил себя ударным. Присутствовавших на собрании драматургов закрепил за собой.

Ближайшая задача драмсектора — об'единение крестьянской драматургии и активизация широкого круга крестьянских писателей и колхозно-крестьянского актива. Устанавливается связь с Колхозцентром. Всеработземлесом, Домом им. Крупской. Прорабатывается художественно-методический и издательский план

Таковы перспективы работы, которая должна так перестроить сектор, чтобы он стал подлинно классовой организацией, об'единяя вокруг себя широкие писательские массы, а главное — многочисленную армию деревенских драмкружковцев.

Повернуться лицом к колхозу, к пятилетнему плану социалистического строительства в деревне — давно пора Драмсектору общества крестьянских писателей

А.

„ХОЖДЕНИЕ В НАРОД"

Когда я пишу эти строки, то вижу перед собой угрюмый подвал Дома Герцена, с размалеванной афишкой на дверях: «Выставка—писатель в социалистическое строительство». На видном месте выставки собраны материалы некоей литературной бригады, ездившей в Донбасс помогать «делать уголь».

Здесь все, представляющее работу бригады, начиная от мандатов организации, пославшей бригаду, кончая... трамвайными билетами городов, в которых прибывали писатели! Жирными буквами писатели рапортуют о себе:

Бригада за такое-то время провела икс литературных вечеров, икс докладов на литературные темы, икс выступлений во время обеденных перерывов. (Знак восклицания!)

И другая картина встает перед глазами:

❦

Гудок прокричал на обед. Пыльные и потные, усталые люди спешат к заводской столовой получить чашку жидких щей и плохопропеченный церабкооповский хлеб.

Уже черпак раздатчика вылил в первую миску, рука занесена над второй,— как это «священнодействие обеденного часа» нарушается зычной глоткой профуполномоченного:

— Товарищи, к нам приехала литературная бригада известных московских писателей! Они сейчас перед нами выступят со своими произведениями.

И начинается «выступление»...

♣

Редактор одного из московских журналов рассказывал мне, как некий «молодой», но уже опытный писатель, влетев в кабинет редактора и сунув ему рукопись, скороговоркой выпалил:

— Вот вам рукопись, выпишите аванс, быстро, быстро... Сегодня в семь часов еду за границу, быстро-быстро...

❦

Выступление ударной бригады писателей точь-в-точь похоже на это «быстро, быстро». Да и не мудрено: гонясь за количеством выступлений, нужных для отчета, писатели торопятся в соседний цех, а из соседнего еще в соседний, и все это—в сорок минут перерыва!

Из скомканного прозаического выступления, из стихов, прочитанных под аккомпанемент брящающих о тарелки ложек, слушатели мало что поняли, но... они довольны: они видели живых писателей! Они не возмущаются и не кричат о безобразии, допущенном писателями подобным «обслуживанием».

❦

Безобразие сходит писателю с рук и попадает на выставку где жирный восклицательный знак кричит посетителю:

— Писатель эп сделал икс выступлений во время обеденных перерывов!

— В момент, когда новый ударник-литератор, работающий непосредственно на производстве, властно стучится в двери пролетарской литературы, лозунг «лицом к производству» до сих пор подменяется прогулкой по производству, экскурсией наблюдателя, любопытством туриста

Систематическая массовая работа писателя подменяется «выступлениями», по меткому выражению Маяковского, «дрыганьем ногой и красивым голосом».

❦

Этим летом мне пришлось совершить поездку с литературной бригадой ЦК комсомола, по маршруту: Грозный — Махач-Кала — Баку — Тифлис.

Нечего греха таить: принцип обслуживания предприятий был таким, как он описан выше.

Правда, делались доклады, правда, были шумные вечера и шумный успех... но это в городе, в большом Дворце тюркской культуры в Баку, в городском саду — в Тифлисе.

А в чем выразилась наша работа непосредственно на производстве?

Опять обеденные перерывы, опять летанье по цехам.

❦

Вот одна из картин такого «обслуживания»:

Легковая машина мчит нас (нас—это меня и Иосифа Уткина) на промыслы Биби-Эйбат. Жара. Измазанные мазутом люди с прилипающими к телу потными рубахами набились, как сельди в бочке, в низкую тесную, промысловую столовую.

С болью в сердце я читаю стихи, чувствую, что мы мешаем рабочим обедать, что этот вид массовой работы писателя в корне неправилен.

Я знаю, что мои товарищи будут доказывать, что «нами-де проведена огромная работа, что мы отмежевываемся от такой самокритики»..

❦

Надо раз и навсегда усвоить, что реконструировать литературу «хождением в народ» нельзя, что «дрыганьем ногой» во время обеденных перерывов литературы и психологии писателя-профессионала не переделать.

Чтобы литературным оружием «помогать делать уголь, железо, машину», писателю надо знать производство так же, как знает директор свой завод, как пролетный мастер знает свой пролет, как опытный фрезеровщик знает каждую деталь своего станка.

На производстве мы боремся с летунами с завода на завод. Эту борьбу надо повести и в нашей литературной работе. Почему бы писателям не проработать годик-два на одном из дальних заводов? Правда, для этого придется расстаться с кой-какими удобствами.

На военный фронт лучшие из писателей уходили, не считаясь с этим. Фронт пятилетки требует от писателя такой же самоотверженности, как и фронт военный.

Перед РАПП как ведущей литературной организацией должен быть поставлен вопрос о контрактации писателей на производстве.

Надо покончить с «хождением писателей в народ», ставшим теперь весьма «модным».

ИВАН МОЛЧАНОВ

Сталинградский тракторный завод

ПУТЬ К РОМАНУ

Весь материал по роману «Минус шесть» я собирал в Москве—Ялте; но по ходу следующего романа «Эти господа» было необходимо изучить жизнь евреев-колонистов в Евпаторийском районе. В 1927 году я поехал в крымские колонии, поехал без всякой политической и агрономической подготовки отсутствие которой сразу сказалось. Я в полном смысле был «знатным иностранцем», слабо разбирался, что такое яровые и озимые посевы, а черный пар являлся для меня загадкой. Вернувшись в Москву, я стал работать над «Этими господами» и понял, что я не в состоянии закончить романа. Я пережил много мучительных месяцев, прочел пачку книг по сельскому хозяйству, коллективизации и подсобным сельским производствам (маслоделию, сыроварению и т. п.). Весной 1928 года я связался с Озетом и опять отправился в крымские колонии, где, казалось, я все постиг. Я очень сомневался в ценности «Этих господ», отнес законченную рукопись Ю. Ларину, он одобрил ее, и только после этого я решил издать роман.

Весной этого года Всекопромсоюз послал бригаду писателей (Московское т-во писателей) в промышленные кустарные районы; я был направлен в БССР и связался с Колхозцентром СССР, Комзетом при ВЦИК, чтобы побывать в колхозах. Это было как раз то время, когда появилась статья тов. Сталина «Головокружение от успехов». В первом же местечке (Смиловичи, Минского округа) я сразу был взят в оборот «товарищ из центра» должен был отвечать на все вопросы по поводу коллективизации, разбирать споры между колхозами и «отходниками», помогать колхозам организовывать труд, добиваться через рики тракторов. Словом, в течение двух месяцев я варился в гуще колхозной жизни, выезжал в поле, на деле изучил сельскую машину работу колхозников, их взаимоотношения, узнавал их горести, надежды, жалобы. Теперь я пишу книгу о поездке по БССР («Соседи пана Пилсудского»), сравниваю, что я раньше знал о промыслах и колхозах и что знаю теперь.

Смело заявляю: именно такая «рабочая» поездка нужна писателю!

Сейчас я только что вернулся из поездки по Одессщине, куда я ездил по заданию тех же организаций. В колхозе «Показатель» (Октябрьского района) лежало много неубранного хлеба, местные власти не только не сумели ликвидировать прорыв, но еще усугубили его. Опираясь на актив колхоза, я добился определенных успехов по уборке хлеба, а, стало быть, и по хлебозаготовке.

Откуда взялась у меня такая смелость и уменье? Ясно, что без предыдущих поездок я удрал бы из колхоза, несолоно хлебавши, как это, кстати, сделал председатель местного рика. Вот такая работа в колхозе дала мне столько ценного материала, сколько я до той поры никак не имел!

МАТВЕЙ РОЙЗМАН

ВЫ ЗАНЯТЫ?

Позвоните на почту, и к вам придет письмоносец для приема подписки на „Литературную газету" на 1931 г.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ В КОНЦЕ НОМЕРА

ВМЕСТО РЕЧИ НА ЮБИЛЕЕ

В ближайшее время Ленинградский союз советских писателей будет торжественно отмечать свою десятилетнюю годовщину. По этому поводу уже заседало правление союза и, как записано в протоколе, были почтены вставанием покойные председатели, в том числе и такие заслуженные деятели советской литературы, как Волынский и Сологуб. Вам это кажется странным, но признаться, мы тоже были удивлены, хотя, говоря по-совести, ничего удивительного в этом нет. Конечно, союзу советских писателей не пристало бы расписываться в своих особенно почтительных чувствах к вышеупомянутым покойникам. Но ведь надо учесть, что Союз писателей (просто: Союз писателей!) существовал больше 8 лет, а Союз советских писателей, в том виде, в каком он сейчас существует, это еще «младенец», который даже не может похвастать полными двумя годами.

Но юбилей писательской организации это не только удобный предлог для «воспоминания», это, главным образом, и повод для жесточайшей самокритики. Что же действительно происходит сейчас в Ленинградском союзе писателей, если даже обойти злополучный протокол и обратиться к документам, более отвечающим своему назначению?

В этом отношении чрезвычайно любопытна речь одного из руководителей союза М. Э. Козакова, произнесенная им на последнем пленуме ФОСП в Москве. «Чертеж писательской психики изменился, — заявил тов Козаков, — изменился так, что возврата к старым методам работы, возврата к старому колеблющемуся мировосприятию нет». Это изменение «психологического чертежа» тов. Козаков об'ясняет тем, что «сорок писателей, активно работающих в советской литературе и об'единяемых ленинградским отделом ВССП, с весны по сей день активно работают на фронте социалистического строительства». Прекрасное заявление! Заявление, которое можно только приветствовать! Но вот в чем вопрос: снимает ли это заявление проблему правой опасности — буржуазных настроений внутри союза? Нет, не снимает. А между тем, речь Козакова, изобилующая весьма яркими фактами полевения известной группы ленинградского попутничества, обходит проблему буржуазных настроений внутри попутничества, вскользь упоминая только о том, что руководители ЛВССП «умели бороться и с правыми настроениями, питавшимися в значительной мере корнями политической отсталости».

Корни действительно неважные! Но одной ли только «отсталостью» можно об'яснять правые настроения среди ленинградского писательства, но мало ли этого для социальной характеристики правых, т.-е. буржуазных настроений?

Диференциация попутничества, формирование буржуазной идеологии среди писательства — это есть непосредственное выражение классовой борьбы, происходящей в стране. Казалось бы, что может быть общего между процессом «промышленной партии» и носителями «высоких эстетических идеалов»? А между тем, совершенно ясно, как много общего можно найти между устряловщиной, переведенной на язык искусства, и пильняковщиной, переведенной на язык политических документов! Классовая борьба находит свое выражение в искусстве не только потому, что тот или иной писатель «немного отстал» в своем политическом развитии, но потому, — и главным образом потому, — что борющиеся классовые группировки неизбежно создают свою агентуру в сфере идеологической и литературной борьбы. Поэтому борьба с этой агентурой является сейчас одной из важнейших — основной задачей, стоящей перед Союзом советских писателей.

Существует ли реальная опасность правых настроений внутри союза? Безусловно существует! Возьмите, например, творчество «молодых». Это не замятнинщина. Тут нет замятинской позы фрондирующего «оппозиционера» Но ведь не все то правое, что позирует и кричит! Правые настроения внутри Союза это не только активная замятнинщина, это и тихая немочь гуманизма, приспособленчества, болотной нейтральности, эстетского индивидуализма и т. д. Надо спросить себя четко и определенно: как боролось руководство Союза с правыми настроениями внутри организации? Надо прямо сказать: мало боролось, плохо боролось, не сумело организовать вокруг рецидивов «правизны» настоящей идеологической борьбы. Правда, не малая вина падает на ту группу критиков-марксистов, которая вошла в Союз с хорошими намерениями помочь новому руководству в его большой реорганизаторской работе, но которая очень мало эти хорошие намерения реализовала. Однако, кто бы ни был виноват, факт остается фактом Полевение группы союзного актива — это прекрасный показатель. Но это не снимает необходимости жесточайшей борьбы направо. И в своей ответственной программной речи один из руководителей Союза тов. Козаков должен был это подчеркнуть гораздо определеннее и резче, чем он сделал.

Борьба направо, борьба с буржуазными настроениями, борьба за настоящего революционного писателя, — это основная задача Союза, — немыслима без одновременного разрешения и второй задачи, не менее важной, не менее сложной, не менее назр шей.

Вторая задача, стоящая перед Союзом, — для попутничества столь же актуальная, как и для пролетарской литературы, — это борьба за мировоззрение, это проблема творческого метода, это творческое усвоение диалектического материализма, как единственного метода, который позволит писателям увидеть мир и показать мир не в условном и порочном интеллигентском аспекте, а в его подлинном историческом существе. К сожалению, речь Козакова на пленуме ФОСП эту проблему борьбы за творческий метод отметила крайне недостаточно. А между тем, эта проблема требует сейчас такого же настойчивого внимания и систематического к себе отношения, как и борьба с правыми настроениями внутри Союза. Потому что правильное усвоение метода диалектического материализма—реализация его на художественной практике — является одной из серьезнейших предпосылок действительного полевения попутничества и приближения его к теоретическим высотам, к художественным путям развития пролетарской литературы

В этом году писательская публика много ездила, многое видела, многому научилась. Писательские бригады привезли с собой огромнейший материал разнообразнейших впечатлений, коренным образом ломающих представления о событиях, происходящих в стране. Теперь надо весь этот хаос «непосредственных впечатлений» превратить в стройный космос художественной литературы. Это немыслимо без помощи глубоко усвоенного революционного художественного метода.

Задача разработки и усвоения диалектико-материалистического творческого метода является второй основной задачей, стоящей сейчас перед Союзом советских писателей.

Эта задача тем более огромна, что до последнего времени она никак среди ленинградского писательства поставлена не была. Последние произведения ленинградских попутчиков сигнализируют в этом отношении тревогу. Поэтому в своей речи тов. Козаков должен был остановиться на этом более подробно и более глубоко, чем он это сделал.

За последнее время Союз советских писателей вступил в полосу несомненной активизации. Соревнование творческих бригад, индивидуальное шефство писателей над рабочими-ударниками, широкий план постоянного общения с рабочей читательской аудиторией, все это свидетельствует, что Союз советских писателей на деле пытается осуществить должную связь с тем классом, который единственно способен вывести писателей-интеллигентов на широкую и проторную социалистическую дорогу из душных литературных кабинетов. Общественная активность, плюс борьба за творческий метод при неослабной борьбе с правыми настроениями, — сумеет обеспечить Союзу советских писателей должное место в нынешней общественно-литературной жизни.

Зел. ШТЕЙМАН

ВЫЛАЗКА БУРЖУАЗНОЙ КРИТИКИ

В связи и с количественным, и с качественным ростом массового читателя, а также в связи с призывом в литературу нового писателя из ударников-рабочих, на передовых совхозников и колхозников, с особой остротой встает вопрос о справочных историко-литературных пособиях, о пособиях, ориентирующих в основных течениях современной литературы, характеризующих ее наиболее выдвинувшихся представителей.

Мы почти не имеем этих пособий. Но и то, что у нас есть, заслуживает преимущественно резкого осуждения.

С особенной силой это осуждение должно быть направлено на недавно вышедшее пособие В. Тарсиса — «Современные русские писатели» *.

Книжка Тарсиса снабжена двумя предисловиями: автора и редактора (Ин. Оксенова), частично участвовавшего в составлении пособия. И автор и редактор рекомендуют книгу в качестве «путеводителя по современной русской литературе», «справочного пособия», «энциклопедии» для «многочисленной армии практических книжных работников книготорговых предприятий», «библиотек» и «любого читателя».

Аппетиты составителей огромны, их рекомендательный пыл понятен.

Но этот пыл безоснователен.

Книжка Тарсиса не ориентирует, а дезориентирует читателя в вопросах современной литературы.

Напрасно вы будете искать в ней автора, в свое время нашумевшего, и переведенного на Западе, романа «Пятая любовь» **М. Карпова**, или автора первого крестьянского социального романа «Большая Каменка» **А. Дорогойченко**, или автора романа «Ледолом» **К. Горбунова**, автора романа «За крестами», выдержавшего уже около десяти изданий, **М. Громова, Н. Макарова, Н. Ночина** и ряда иных талантливых крестьянских писателей, привлекающих внимание широких читательских масс.

Бесплодно искать в книге Тарсиса и одного из лучших очеркистов — **И. Жигу**, а также **А. Исбаха, Б. Горбатова, М. Платошкина** и иных пролетарских писателей, чьи произведения уже который год дискуссируются в тысячах клубов, расходятся огромными тиражами.

Надо прямо сказать — Тарсис не благосклонен к пролетарской и крестьянской литературе, его больше притягивает попутнический, буржуазный литературный лагерь. Этот лагерь представлен у него с большой полнотой.

Крайне любопытно также, что, опустив, не заметив уже выявившихся пролетарских и крестьянских писателей, он дал место для мало известных читателю имен — **Борисова, Баршева** и иных.

Составители пособия не знают современной литературы, они библиографируют ее случайно, механически.

Но основной порок рецензируемого пособия не в его неполноте, не в случайности введенных в него писательских имен, а в социальной враждебности его нашей современности.

Эту враждебность авторы пособия стремятся замаскировать. В рьяном восхвалении доблестей своего произведения, для вящей и окончательной убедительности его высокосортности и безусловной пригодности для «любого читателя», «авторы не медлят наклеить на него марку «авторитетной марксистской критики».

В виду информационных задач книги, «я старался, — пишет автор, — быть максимально об'ективным, обходя полемические заострения нашей критики, и опирался в оценках и характеристиках на авторитетную марксистскую критику».

И вот представим себе, что неискушенный читатель, вполне полагаясь на авторитетную марксистскую критику, захотел бы ознакомиться с крестьянской поэзией.

Кого бы, вы думали, предложила ему эта авторитетная «марксистская» критика? — Очевидно, **Исаковского, Доронина**, скажете вы? Нет, — об этих поэтах она не слышала.

Она предложит ему более известных и «типичных», вроде... **Клюева, Клычкова, Орешина, Есенина.**

«Клюев наиболее типичный, законченный и, несомненно, наиболее даровитый представитель крестьянской поэзии»— пишет Тарсис.

«Орешин — один из наиболее крупных крестьянских поэтов, — читаем мы дальше...—Он является лирическим выразителем дум и чаяний революционной бедноты, ее ненависти к угнетателям и радости при победе революции».

Клычков, по мнению «авторитетной марксистской критики», также «выявил себя даровитым крестьянским лириком».

Если в характеристиках Клюева и Клычкова Тарсис еще что-то мельком и невразумительно бормочет о кулацких устремлениях, то в характеристике Есенина он выражается полным голосом.

«Есенин принадлежит к крестьянским поэтам, хотя в критике против этого утверждения имеются возражения», — пишет Тарсис.

Махрово-кулацкие поэты зачисляются в крестьянские.

Налицо — законченный, оголтелый представитель буржуазной критики. Под маркой «авторитетной марксистской критики» этот «критик» смазывает классовую борьбу в современной литературе, протаскивает антимарксистские воззрения на литературу — воззрения классового врага.

В пролетарские писатели, как и надо было ожидать после сказанного, Тарсис зачисляет **Логинова-Лесняка, Коробова, Тверяка, Неверова** и иных, явно крестьянских и попутнических писателей.

Вполне последовательно для Тарсиса, что «Мы» **Замятина** дает только «тенденциозное» (?) изображение Советской России и коммунистического строя, а **Акульшин** «часто изображает в комических тонах смешение старого и нового в деревенской жизни». Об идейно-политическом искажении советской действительности этими, а также и иными и писателями у Тарсиса нет и намека.

Во многих случаях социальные характеристики заменяются, ничего не говорящими общими аполитичными фразами:

Для мировоззрения Асеева наиболее характерен его «романтизм»; для Бабеля — «романтические тенденции»; для Багрицкого—«романтика, лишенная четкой социальной установки» и т. д.

Нередко Тарсис совершенно не дает социальных характеристик писателей, обходясь простым «об'ективным» изложением фабулы их основных произведений. (**Шолохов, Олеша, Березин, Андреев, Гумилевский** и т. д.).

Писатели предстают перед читателем в качестве об'ективных, внеклассовых выразителей действительности.

Таково то «руководство», которое Тарсис и Оксенов предлагают «любому читателю». Это руководство классового врага. Все сказанное утверждает пособие Тарсиса не только в качестве вылазки оголтелого представителя буржуазной критики, но и в качестве малограмотного, невежественного ее представителя.

Тарсис вообще усердно проявляет свою малограмотность не только в вопросах литературы, но и в стилистике.

«В незаконченном романе «Шуба», — пишет он о Г. Алексееве, — тема столкновения мещанско - собственнического начала с коллективистическим началом эпохи, поставленная на образе (?!) современного кулака».

И, наконец, не чужд Тарсис и заведомо ложных показаний. Так, говоря о Степане из романе «Лапти» **П. Замойского**, он сообщает: «Почувствовав классовую разницу между собой и новой женой, коммунист возвращается к прежней семье».

Ни в появившихся частях романа, ни в имеющихся появиться — этого нет.

Книга Тарсиса, враждебная нам по своей идейно-политической установке, анекдотическая по своей невежественности, должна быть немедленно из'ята из обращения.

Ее появление — грубейшая литературно-политическая ошибка «Издательства писателей в Ленинграде».

А. РЕВЯКИН

От редакции. Мы присоединяемся к той оценке книги В. Тарсиса, которую дает тов. Ревякин. Одновременно считаем необходимым отметить, что В. Тарсис был одним из редакторов халтурного библиографического справочника «Современные иностранные писатели».

* В. Тарсис. Современные русские писатели. Под редакцией и с дополнениями Ин. Оксенова. Издательство писателей в Ленинграде. 1930 г. Стр. 256. Цена 2 руб. 30 коп. Тираж 5.200.

Очередной тираж беспроцентного займа 1929 года состоится 5 декабря в Москве Главный выигрыш 100000 р.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

❖ Бригада ВССП, работавшая на Добрушской бумажной фабрике, присоединилась к резолюции ИТС с протестом против вредителей — членов «Промпартии». Два члена бригады — писатели **Березин** и **Вайсенберг** потребовали снятия их подписей, поставленных под протестом. Поступок Березина и Вайсенберга обсуждался расширенным пленумом ленинградского и московского президиумов ВОСП.

«Литгазетой» получено по телеграфу постановление пленума, в котором говорится:

ЛЕНИНГРАД, 8/XII. **События последнего года внутри ВССП, создавшие предпосылки для полного приближения массы попутчиков к коммунистическим отрядам в литературе, завершились жесткой перестройкой его рядов и пересмотром общественно-литературных позиций Союза, результатом чего союз в подавляющем большинстве своем охвачен живой общественной работой.**

Участие членов Союза на маневрах, в организации ЛОКАФ'а, создании бригад писателей для широкого участия в кампании по ликвидации прорывов, показали, что процесс превращения «попутчиков» в союзников революции начат правильно и развивается органически.

Вместе с тем руководство Союза не должно закрывать глаза на то, что среди некоторой части его членов еще имеет место наличие определенных оппортунистических настроений, которые в связи с развертыванием классовой борьбы внутри нашей страны могут оформиться в ново-буржуазное течение в советской литературе.

Эти тенденции нашли свое выражение в проведении членов Союза Ю. БЕРЗИНА и Л. ВЕЙСЕНБЕРГА, участников добрушской бригады, отказавшихся дать свои подписи под протестом собрания ИТС фабрики «Герой труда» против вредителей—членов «промпартии» на основании, якобы, формальных причин.

Заслушав об'яснения Березина и Вейсенберга, признавших свою политическую ошибку, президиум констатировал, что признание это не может, тем не менее, затушевать политического значения совершенного ими поступка и постановил ИСКЛЮЧИТЬ БЕРЗИНА И ВЕЙСЕНБЕРГА ИЗ РЯДОВ ВССП. Только активное и непосредственное участие в строительстве советской страны и отказ на деле от примиренческих позиций в общественности могут вернуть Березину и Вейсенбергу звание советского писателя.

❖ **С. Валайтис**, работавший как член бригады ЦК ВКП(б) на Златоустовском заводе им. Сталина, организовал на заводе призыв ударников в литературу. Ряд начинающих писателей — рабочих завода вступил в РАПП.

❖ Общим собранием членов ленинградского отделения ВОКП исключен из общества крестьянских писателей **А. Тверяк**. Исключение А. Тверяка вызвано его отрывом от организации, антиобщественным поведением, рядом неэтических поступков, дискредитацией звания крестьянского писателя и организации в целом.

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

● **Контрольные цифры плана ОГИЗ** на первый квартал 1931 года утверждены правлением ОГИЗ в размере **900 миллионов листов-оттисков**. Планово-экономическому отделу поручено совместно с входящими в ОГИЗ издательствами произвести распределение их по изд-вам, учитывая сезонность литературы, которая будет выпущена в течение первого квартала, обеспеченность редакционных портфелей и т. д.

● На Всесоюзном об'единенном **с'езде печатников и бумажников**, открывающемся в Ленинграде 22 декабря, выступит т. **Арт. Халатов** с докладом, о задачах издательского дела на ближайший период. Для участия в работах Всесоюзного с'езда выделена делегация ОГИЗ в составе **тт. Вольфсона, Вейса, Коссовского и Ерофеева.**

● Правление Огиз постановило издавать **ежемесячный литературно-исторический журнал ЛОКАФ.** Выпуск журнала в настоящее время тормозится бумажным кризисом. Мы считаем, что необходимые бумажные ресурсы для издания журнала ЛОКАФ должны быть изысканы в самое ближайшее время.

● ОГИЗ будет выпускать с 1 января 1931 г. **ежемесячный журнал «Социалистическое издательство».** Задача журнала — быть боевым органом социалистической реконструкции издательского дела. Журнал будет вести пропаганду решений партии по издательскому делу, организует контроль за их выполнением.

В состав редколлегии журнала ОГИЗ войдут: **Арт. Халатов (ответственный редактор), Вольфсон, Накоряков, Коссаковский, Шварц, Кантор, Бахутов** и др.

● По предложению издательства детской и юношеской литературы «Молодая гвардия», правление ОГИЗ утвердило созыв **всероссийской конференции по детской книге** на 15 — 20 января 1931 года.

● Правление ОГИЗ признало необходимым сохранить на ближайший период при ГИХЛ литературную консультацию. Имеющаяся литконсультация при ФОСП ведет в основном методическую работу. Литконсультации ГИХЛ будет главным образом осуществлять организационную связь издательства с литкружками на фабриках и заводах.

■ В начале января 1931 г. массовый сектор ГИХЛ выпускает из печати первый литературно-художественный сборник, составленный из произведений рабочих-ударников под общей редакцией **П. Низовцева.** В сборнике будут помещены посвященные производственным темам рассказы, стихи, очерки, принадлежащих перу рабочи-авторов: **С. Терасевича** (Амо), **А. Баскакова, Демина (Динамо), Дунаева** (Ф-ка Парижской Коммуны), **Басова** (Электрозавод), **Богатырева** (Колхозник-ударник), **Воробьева** (Серпуховская ф-ка) и др.

■ Массовый сектор ГИХЛ установил связь с рядом рабкоров и рабочих авторов на периферии, которым оказывает помощь в творческой работе.

■ В связи с предстоящей «Неделей советской Белоруссии» и приездом в Москву белорусских писателей, художников, работников искусств и др., правление ОГИЗ избрало комиссию в составе тт. **Соповьева, Малкина и Попова**, которой поручено разработать план проведения белорусской недели.

■ Изд-во «Федерация» заключило с шестью бригадами ВССП договор на составление коллективных очерков, посвященных работе писателей на бумажных фабриках.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В ноябрьской книжке журнала «Красная новь» напечатана вторая глава моей поэмы **«Пятилетка»** с сокращениями и изменениями в тексте, сделанными недрогнувшей рукой редакции без моего ведома и согласия. Самый факт возможности такого своеволия со стороны редакции вызывает во мне чувство глубокого возмущения. Я считаю необходимым ограждение литературной работы от прикосновения к ней невежественных рук тайком от автора и протестую против бесцеремонного обращения редакционных служащих с литературной работой.

СЕМЕН КИРСАНОВ

*

Помещая нашу инсценировку в 21/22 номере журнала «Малые формы клубного зрелища», редакция в своем предисловии говорит о ней, как об образце ударного художественного творчества, как о своевременном отклике на призыв ЦК,—творчества, борющегося за промфинплан, популяризирующего ударное движение...

Однако, смешать три принятые от нас инсценировки в какую-то неразбериху, об'единив их только общим названием «Мэмэ под стеклом», изрезать и испещрить их своими отнюдь неталантливыми вставками, игнорируя при этом авторов, и выдавать все это за образец—это по меньшей мере акт своеобразного редакционного издевательства, о котором нельзя молчать.

Члены МАПП:

П. ПАНЧЕНКО, А. ШПИРТ

ОТ РЕДАКЦИИ:

Ознакомившись с инсценировкой в оригинале и в напечатанном виде, редакция «Литературной газеты» присоединяется к протесту авторов.

КАЛЕНДАРЬ РАБОТЫ КЛУБА ФОСП

14 ДЕКАБРЯ—18 ч. МАПП. Общемосковское совещание руководов.
» » » Коммуна «Октябрь».
» » » Союз революционных драматургов.
15 ДЕКАБРЯ—13 ч. Композиторский семинар Всероскомдрама.
» » —19 ч. Семинар ударников.
16 ДЕКАБРЯ—11 ч. Заседание расширенного бюро киносекции ВОКП.
» » —16 ч. 30 м. Расширенное заседание Выставкома.
» » —18 ч. Президиум МАПП.
» » —18 ч. Доклад Замойского: «Колхоз «Искра» и роман «Лапти».
» » —19 ч. Вечер эсперантистов.
17 ДЕКАБРЯ—18 ч. Композиторский семинар Всероскомдрама.
» » —19 ч. Президиум правления.
» » —19 ч. Кружок переводчиков: Руковод Роом.
» » —19 ч. «Никитинские субботники».
» » —19 ч. 30 м. Литературный концерт И. А. Цветаева (Ленинград) «Владимир Маяковский». После концерта — дискуссия об интерпретации стихов Маяковского.
18 ДЕКАБРЯ—17 ч. МАПП. 2-ое производственное совещание очеркистов.
» » —19 ч. 2-я беседа по гигиене умственного труда. Кабинет Санкультуры.
» » —19 ч. 30 м. Доклад А. И. Аксенова «Днепрострой и литераторы». К вопросу использования литературной энергетики.

ИЗВЕЩЕНИЯ

* Бюро ячейки имени Герцена сообщает, что 20 декабря, в 17 час. в клубе ФОСП созывается **открытое партсобрание** ячейки Дома имени Герцена. На повестке: доклад о 1905 годе (т. **Сверчков**).

Приглашаются беспартийные писатели. Явка всех членов и **кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ обязательна.**

* Оргбюро МОКП доводит до сведения, что 14, 15, 17, 18, 21, 22, 23 декабря будет происходить чистка членов МОКП. Комиссия будет работать в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52). Просьба ко всем литкружководам принять участие.

* 14 декабря, в 17 ч.—в помещении конференц. зала (Тверской бул., 25, 3 этаж) состоится заседание расширенного бюро литературно-эстрадной секции с активом и представителями печати: «О дальнейшем пути формального и идеологического развития «Синей Блузы».

* 14 декабря, в 20 ч. в Государственной библ. иностранной литературы (Столешников пер., 2) состоится доклад тов. **Майкла Голда** на тему: «Американская литература».

* 14 декабря, в 19 ч.—общемосковское совещание руководов литкружков МАПП. На повестке дня: 1. Обсуждение программы литкружка. 2. Как работать с программой. Собрание состоится в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52). Явка обязательна.

* 15 декабря, в 19 ч. в «Кузнице» (Тверской бул., 25) состоится очередное собеседование. Доклад **В. И. Войчевского** о книге Лаврухина: «По следам героя».

* 16 декабря, в 18 ч. президиум **ЛОКАФ** и I фабр. Союзкино созывают слет членов ЛОКАФ в помещении красного уголка I фабрики Союзкино (Калужская пл., Жутная ул., 29). Приглашаются—военный сектор Союзкино, военная секция ОДОКФ и киносекция ПУР.

* 16 декабря, в 19 ч. 30 мин., в Доме Герцена (Тверской б., 25) состоится общее собрание детсекции ВОСП. Читают свои новые произведения тт. **Чумаченко и Бывалов.**

* 17 декабря, в 20 ч., в Ц. Д. Работник (Леонтьевский, 4) состоится вечер рассказа Юлии Глазуновой. В программе: русская современная проза. (Горький, Шолохов, Катаев, Вера Инбер).

* 18 декабря, в 20 ч.—состоится литературный вечер МТП. Выступят со своими произведениями тт. **Новиков-Прибой, Фатин, Ройзман.**

* 20 декабря, в 19 ч.—в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) состоится очередное собрание творческого об'единения «Напостовская Смена». Обсуждение доклада т. Анисимова «О творчестве рабочих-ударников и социалистическо - производственном жанре». Приглашаются РИО ВЦСПС, рабочие-ударники и литкружковцы.

* Секретариат литературного об'единения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ) сообщает, что ЛОКАФ помещается в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52). Прием по всем делам ЛОКАФ производится ежедневно там же с 12 до 15½ ч. дня. Выходные дни: 5, 10, 15, 20, 25, 30.

* **ПРИ СОЮЗЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДРАМАТУРГОВ** возобновило свою деятельность **Бюро консультации молодым драматургам из рабочих и колхозников.** Авторы, желающие получить оценку своих пьес (отзыв и указания), должны направлять свои рукописи (четко переписанные) по адресу: Москва, улица Воровского, 52. Клуб ФОСП. Союзу революционных драматургов. Консультация бесплатная. Просьба ко всем местным органам печати перепечатать настоящее извещение.

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ФОСП, ЛИТКРУЖКАМ, УДАРНИКАМ

Материал для «Альманаха ФОСП» следует сдавать в изд-во «Федерация» (пл. Свердлова, Копьевский, 3) с надписью для «Альманаха ФОСП».

ПОПРАВКА

В письме **Федора Гладкова к Ромену Роллану**, напечатанному в прошлом номере «Л. Г.», исправляем следующие опечатки: вместо «во всех наших скандалах», следует читать: «во всех мировых скандалах», вместо: «социал-Иуды всех толков с особым смаком называют о «гуманности» и «морали», о «инквизиции», следует читать не «инквизиции», а «цивилизации».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.
ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1931 год на издания Акционерного Издательского Общества „Огонек“

1 — Самый распространенный в СССР иллюстрированный журнал «Огонек» с приложением 24 книг иллюстр. библиотеки **„Всемирная История“**. Впервые издаваемая в СССР под ред. о-ва историк.-марксистов при Коммакадемии под общ. руководств. М. Н. Покровского, представляющая исключит. интерес как источник для самообразования и занимательный материал для чтения. Подписная цена: Год — 21 р. Рассрочка: при подписке — 5 р., к 1/III — 4 р., к 1/V — 5 р., к 1/VII — 4 р. и к 1/IX — 3 р. Годовым подписчикам бесплатно: 2 больших художеств. историческ. картины. «Огонек» без приложения: год — 3 р. 25 к., 6 мес. — 1 р. 75 к., 3 мес. — 90 коп.

2 — **БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК**. Как и в прошл. годы, 72 кн. «Библиотеки Огонек» дадут лучшее из того, что есть в советской и международной литературе. Подписная цена: «Огонек» с приложением «Библиотеки Огонек»: год — 10 руб. — коп., 6 м. — 5 руб. 50 коп., 3 м. — 3 руб. — коп.

3 — **ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА**. Широко освещает вопросы литературы и жизни писательских организаций. Нужна всем интересующимся вопросами литературы и жизнью искусства. Подписная цена: Год — 3 руб. 50 коп., 6 м. — 1 руб. 75 коп., 3 м. — руб. 90 коп.

4 — **РОСТ**. Орган ВАПП и МАПП. Массовый литературно-художественный и культурно-бытовой журнал. РОСТ — боевой орган культурной революции. Каждый рабочий, интересующийся вопросами литературы, культуры должен быть подписчиком РОСТА. Подписная цена: Год — 3 руб. — коп., 6 м. — 1 руб. 50 коп., 3 м. — руб. 75 коп.

5 — **ЖУРНАЛИСТ**. Двухнедельник по политическим, производственным, профессиональным и хозяйственным вопросам печати. Подписная цена: Год — 6 руб. 50 коп., 6 м. — 3 руб. 50 коп., 3 м. — 2 руб. — коп. С прилож. „Библиотека Журналиста“ (4 кн. в год): Год — 10 руб. — коп., 6 м. — 5 руб. 50 коп., 3 м. — 2 руб. 75 коп.

6 — **ИСКРЫ НАУКИ**. Массовый популярный научно-технический иллюстрированный журнал. Приложение: большая популярная иллюстрированная биб-ка „Всемирная история“ в 24 книгах и 2 больш. худож. картины. Подписная цена: Год — 22 руб. 50 коп. Рассрочка — при подписке 5 р. 50 к., к 1/III — 5 р., к 1/V — 4 р. 50 к., к 1/VII — 3 р. 50 к., к 1/IX — 4 р. „Искры Науки“ без приложений: Год — 4 руб. 80 коп., 6 м. — 2 руб. 60 коп., 3 м. — 1 руб. 80 коп.

7 — **ЗА РУЛЕМ**. Двухнедельный иллюстрированный популярно-технический журнал Автодора широко, наглядно и практически освещает на своих страницах американскую, европейскую и советскую автодорожную жизнь. Подписная цена: год — 4 р., 6 м. — 2 р. 15 к., 3 м. — 1 р. 10 к. С прил. Библиотеки «За рулем»: год — 8 р., 6 м. — 4 р. 50 к., 3 м. — 2 р. 40 к. АВТОДОРОЖН. АЛЬМАНАХ всем подп. за допл. 1 р. 50 к.

8 — **ИЗОБРЕТАТЕЛЬ**. Массовый ежемесячн. популярно технический журнал по вопросам изобретательства. Подписная цена: Год — 3 р. 50 к., 6 м. — 1 р. 80 к., 3 м. — 1 р. — к. С приложением „Библ. Изобретателя“: год — 6 р., 6 м. — 3 р. 25 к., 3 м. — 1 р. 75 к. „Спутник Изобретателя“ всем подписчикам за доплату в 1 руб.

9 — **СОВЕТСКОЕ ФОТО**. Двухнедельный журнал фотолюбительства и фоторепортажа. Массовый орган советского фотодвижения. Подписная цена: Год — 6 р., 6 м. — 3 р. 25 к., 3 м. — 1 р. 75 к. С приложением Фотограф. библиотеки: год — 12 р., 6 м. — 6 р. 50 к., 3 м. — 3 р. 50 к. Годов. подписчикам, уплатившим подписную плату единовременно, бесплатно Календарь-Справочник Фотографа, за доплату в 1 р. 50 к. — Фото-Альманах.

Все подписчики на любое из вышеперечисленных изданий могут получить: а) «ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ» в 24 книгах и 2 художественные картины за доплату в 17 руб. 75 коп. и б) БИБЛИОТЕКУ «ОГОНЕК» в 72 книжках за доплату в 6 руб. 75 коп.

Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносцам, переводы в издательство посылать не следует.

СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО В КИНО-ТЕАТРАХ:

Колосс — Ул. Герцена 13, тел. 5-74-12. Нач. сеан. с 5 час. дня
М. Дмитровка — Тел. 1-95-39. Нач. с 12 час. дня
Кино УМЗП Арс — Тверская 61. Тел. 5-43-42. Нач. сеанс. с 6 час. веч.
Кин Фоксаль — Сад. Сухарев. 19, тел. 5-72-20. Начало сеансов с 12 часов дня.
Эрмитаж — Каретный ряд, 3, телефон 47-97. Начало сеансов с 4 час. дня.
Кино Пушка — Ул. Коммуны, 1, тел. 5-30-03. Начало сеансов 12 час. дня
Кино Ц.Д.К.А. — ул. Коммуны, 6. Екатерининская. Начало 12 час. дня.
Таганский — Таганская пл., телеф. 2-33-32. Начало сеансов с 12 часов дня.
Им. Моссовета — Большая ул., тел. 3-15-76. Нач. сеансов с 12 час. дня.
Кино Фрюнз — Новая Басманная, телефон 2-4-[illegible]. Нач. сеан. 12 ч. дня
Кино Кор — Каланчевская пл., тел. 4-10-60. Начало сеансов с 12 часов дня

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ ПРОИЗВОД. СОЮЗКИНО

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 26 ЖУРНАЛА **КНИГА и РЕВОЛЮЦИЯ**

Отв. ред. Н. М. Кемницев

ЦЕНА НОМЕРА 45 коп.

В НОМЕРЕ. СТАТЬИ: К. СИДОРИН, В. ШАРОВ.—Новый этап. Рабочие-читатели о книгах по ударничеству. Л. АЛИЛЕКОВ. — Деритесь за политехнизм. М. ЗАЛИВАЛОВ. — Борьба за молодежь. Л. ВИНКОРОВ. — За массовую антирелигиозную работу школы. Н. ОРУЖЕЙНИКОВ. — Наблюдатель или участник. А. ГЛАГОЛЕВ. — На правом фланге. Г. ВОВСЫ. — Что доказал С. Щукин. Т. ПЕРИМОВА. — Любовь реорганизует фабрики. К. ИВАНОВ. — Марксистский учебник этики. А. МИХАЙЛОВ. — Советская кинематография и журнал «Кино и жизнь». И. ГРЯЗНОВ. — Вниманию культпропа ЦК ВКП(б). В МУСОРНЫЙ ЯЩИК. С. ВАРШАВСКИЙ. — «Е. Тагер —Зимний берег». БИБЛИОГРАФИЯ по отделам: Политика. История. Совстроительство. Антирелигиозная литература. Очерки. Художественная литература. Искусство. История литературы и критики.

Продажа в магазинах и Книгоцентра ОГИЗ'а и в киосках

ГОРОДА и ГОДЫ

ПО РОМАНУ К. ФЕДИНА. РЕЖИССЕРЕ. ЧЕРВЯКОВ. ЛИБРЕТТО Н. ЗАРХИ

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ: БЕРНГАРД ГЕТЦКЕ, СОФИЯ МАГАРИЛЛ, ГЕННАДИЙ МИЧУРИН и др.

ПОДПИШИТЕСЬ на 1931 год

ОГИЗ — ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ КРАСНАЯ НОВЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. М. Беспалова (отв. ред.), Вл. Васильевского, Вс. Иванова, С. И. Канатчикова

ГОД ИЗДАНИЯ 11-й

Журнал рассчитан на партийный, комсомольский, профсоюзный и колхозный актив и советскую интеллигенцию.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: 1. Художественная проза. 2. Поэзия. 3. Публицистика. 4. Наука. 5. Жизнь СССР и жизнь за рубежом в художественных очерках. 6. Искусство. 7. Литературная критика и библиография.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Мобилизация внимания на задачах социалистического строительства, привлечение писателей к художественному разрешению этих задач и выдвижение новых писательских кадров. Освещение всех главных событий политической и экономической жизни и всех главнейших достижений и открытий в области науки. Создание руководящей марксистской критики по вопросам художественной литературы и библиография всех наиболее значительных книжных новинок.

КРАСНАЯ НОВЬ

В 1931 г. будут печататься новые произведения: романы Вл. Бахметьева — Наступление. В. Дмитрева и Н. Новака — Вход с Арбата. Вс. Иванова — Бен-Али-бея, знаменитого факира и дервиша, необыкновенной жизни—девять тетрадей. Б. Кушнера — Арматурщики. Ю. Олеши — Список благодеяний. Пьеса. Льва Славина—Французы и русские. Повести. К. Большакова — Маршал стоящего дня; Всев. Вишневского — Матросы; Всев. Иванова — Мударинский апрель; В. Каверина — Новая повесть; А. Караваевой — Молюск; В. Кина — Новая повесть; Н. Ляшко — Новая повесть. Мато Залка — Ударники; Н. Никитина — Лагерь энергии; Л. Овалова — Третий год; Ю. Олеши — Нищие; П. Павленко — Пустыня; Л. Славина — Происхождение нефти; В. Ставского — Некрасовские казаки; М. Светлова — Одна комната; К. Финна — Новая повесть. Поэмы А. Безыменского, Г. Санникова — Хлопок. И. Сельвинского — Электрозавод.

ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ, СТИХОТВОРЕНИЯ. В 1931 ГОДУ ЖУРНАЛ КРАСНАЯ НОВЬ будет давать наиболее современный материал и привлекать к участию художественно выявившихся пролетарских писателей

КРАСНАЯ НОВЬ в целях наибольшего приближения журнала к широкому пролетарскому активу ПОДПИСНАЯ РОЗНИЧНАЯ ЦЕНА в 1931 году ЗАЧИТЕЛЬНО СНИЖЕНА. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 12 №№ — 1 руб., на 6 мес. — 6 №№ — 6 », на 3 мес. — 3 №№ — 3 ». Отдельный номер — 1 р. 10 к.

Подписка принимается во всех отделениях и магазинах Книгоцентра и повсеместно на почте.

Главлит А 83.669. Интернациональная (39) типография «Мосполиграф», ул. Скворцова-Степана